

The First International Scientific Conference on Law and Political Sciences

15th March, 2017

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education
GmbH, Vienna, Austria

**Vienna
2017**

«The First International Scientific Conference on Law and Political Sciences». Proceedings of the Conference (March 15, 2017). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2017. 98 P.

ISBN-13 978-3-903115-88-0

ISBN-10 3-903115-88-6

The recommended citation for this publication is:

Orzechowska K. (Ed.) (2017). The First International Scientific Conference on Law and Political Sciences. Proceedings of the Conference (March 15, 2017). Vienna, OR: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna.

Editor

Kamila Orzechowska, Poland

Olteanu Oana, Romania

Ospanova Dzhamilya Azizkhanovna,

Editorial board

Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan

Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan

Chiladze George Bidzinovich, Georgia

Isaeva Klara Asangazievna, Kyrgyzstan

Ibraeva Alua Salamatovna, Kazakhstan

Ivannikov Ivan Andreevich, Russia

Gromov Vladimir Gennadievich, Russia

Jansarayeva Rima, Kazakhstan

Jovanović Lidija, Croatia

Kartunov Alexey Vasilevich, Ukraine

Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia

Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia

Mohammad Abu Taher, Bangladesh

Kazakhstan

Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia

Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia

Yurova Kseniya Igorevna, Russia

Zaika Yuriy Alexandrovich, Ukraine

Proofreading

Andrey Simakov

Cover design

Andreas Vogel

Contacts

“East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH,

Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Political Sciences

Section 1. Political-conflictology

*Marukhovska-Kartunova Olga Alexandrovna,
University of Economic and Law «KROK»,
PhD in Philosophy, professor of Social Sciences Department (Kyiv, Ukraine)
E-mail: alexkartunov@gmail.com*

The contribution of Austrian thinker Friedrich Gents in origin of science in peace

*Маруховська-Картунова Ольга Олександрівна,
Університет економіки та права «КРОК»,
кандидат філософських наук (PhD in Philosophy),
професор кафедри суспільних наук (Київ, Україна)
E-mail: alexkartunov@gmail.com*

Внесок Австрійського мислителя Ф. Генца у зародження науки про мир

*«Якби існувала наука, яка навчала б засобам встановлення вічного миру,
вона була б найвищою з усіх відомих людству наук»*

Ф. Генц

В сучасних умовах загострення міжнародної ситуації, гонки озброєнь, спадаху чи продовження низки локальних і регіональних війн та збройних етнополітичних конфліктів варто згадати про теоретичну спадщину і практичний досвід тих мислителів, які в різні часи зробили помітний внесок у справу запобігання війн та досягнення і збереження миру. Серед блискучої плеяди таких мислителів (Е. Роттердамський, Г. Гроцій, І. Кант, Ж.-Ж. Руссо та ін.) помітне почесне місце займає австрійський публіцист, дипломат і політичний діяч Фрідріх фон Генц (нім. Friedrich von Gentz) (1764–1832 рр.). На жаль, його внесок саме у справу збереження миру все ще залишається недостатньо висвітленим на Заході і мало відомим в Україні. Та й навколо його постаті все ще чимало нез'ясованих питань і обмаль інформації.

Показово, що у «Британській енциклопедії», причому з першого по дев'яте видання, стаття про нього називалася «Фрідріх фон Генц, німецький публіцист і дипломат»¹, однак, в одинадцятому виданні цієї ж енциклопедії стаття називалася вже просто «Фрідріх фон Генц». Більше того, в самій статті стверджувалося, що «він був, перш за все, австрійцем, у всякому разі більшим австрійцем, ніж Меттерніх»². Маловідомим залишається й те, що «Ф. Генц завжди був на боці тих, кого вважав правим», що «він був одним з тих геніальних людей, які непереможно викликали довіру», що його наукові погляди формувалися під впливом і в душі постулатів «Кантіанської школи», зокрема ідей миру І. Канта³ та ін.

У контексті тематики даних тез найбільший інтерес становлять деякі основні положення праці Ф. Генца «*Про вічний мир*» (1800 р.). У ній він чітко заявив, що: «Війни бути не повинно!», що війна має бути «навік вигнана із суспільства», а мир — це «найвище політичне благо у світі». Водночас він виступав на захист тих мислителів, які розробляли ідеї миру, стверджуючи при цьому: «Вічний мир... — зовсім не марення, породжене схильною до фантазій і мріянням уявою, а серйозна, глибока, велична ідея, певне завдання, більше того, вимога розуму, необхідний результат прогресуючого розвитку наших понять про право, порядок і моральність в грандіозній цілісності об'єданого людства»⁴.

Одним з важливих шляхів встановлення одвічного миру Ф. Генц вважав створення системи політичного балансу, тобто балансу політичних сил на міжнародній, зокрема на європейській арені. При цьому він зазначав: «Система балансу — це система держав, які співіснують одна поряд з одною, більш менш тісно пов'язані одна з одною, через що жодна з них не може атакувати незалежність або фундаментальні права іншої, не викликавши ефективного спротиву і таким чином не наразившись на великий ризик». Хоча, з іншого боку, Ф. Генц, вважав, що така система «швидше може бути названа системою противага, ніж системою балансу». Як би там не було, але у цілому можна погодитися з думкою італійської дослідниці Марії Патерно — однієї з кращих знавців теоретичної спадщини Ф. Генца, яка стверджувала: «Таким чином, у своєму есе «Про одвічний мир» Ф. Генц вказав, як система балансу філософські і концептуально характеризується своїм

¹ Friedrich von Gentz, German Publicist and Diplomat [Електронний ресурс] – Режим доступу://URL: <http://www.1902encyclopedia.com/G/GEN/friedrich-von-gentz.html>

² Gentz, Friedrich Von//Encyclopædia Britannica (11th edition) – Cambridge: Cambridge University Press, – 1910. – P. 607. [Електронний ресурс] <https://archive.org/stream/encyclopaediabrit11chisrich#page/606/mode/2up>

³ Tagerbucher von Friedrich von Gentz//The Edinburgh Review, or Critical Journal. –1863. – Vol. CXVII. – P. 42–82.

⁴ Генц Ф. О вечном мире (1800)/Фридрих Генц//Трактаты о вечном мире/Сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – СПб.: Алетейя, – 2003. – С. 317–318.

вкоріненням в концепт обмеження, контролю, поміркованості та розсудливості». Ще однією беззаперечною заслугою Ф. Генца, на думку М. Патерно, було те, що він «довів необхідність переосмислення проблеми миру і війни, використовуючи скоріше політичні, ніж моральні та правові категорії...»¹.

Та найбільшою заслугою Ф. Генца можна вважати запропоновані ним три засоби запобігання війн і збройних конфліктів та чотири шляхи досягнення миру. Зокрема, він зазначав, що «для того, щоб раз і назавжди перешкодити націям... вступати у війну» потрібно: 1) «абсолютне об'єднання усіх націй в одну державу, внаслідок чого відпадуть усі колізії, що виникають з існування окремих урядів»; 2) «абсолютне їх відособлення, або такий лад держав, при якому інтереси одних держав перестають ущемляти права інших» та 3) «організація певного громадського цілого, створеного цими народами, за допомогою якого їх конфлікти повинні вирішуватися мирним шляхом й іншим способом вирішуватися не можуть». Щоправда, він одразу ж визнав, що перші два засоби «слід вважати несправжніми» вже в силу неможливості їх реалізації, а, отже, вони не можуть бути «справжньою панацеєю для тривалого миру»².

Щодо шляхів досягнення миру, то Ф. Генц сформулював їх наступним чином. По-перше, варто було б скоротити кількість держав у Європі шляхом об'єднання їх у кілька великих держав, оскільки «при меншій кількості держав війн буде менше». До речі, останнє твердження Ф. Генца, на наш погляд, можна вважати закономірністю, яка особливо чітко виявилася у 1910–1960-х роках під час розпаду низки західних колоніальних імперій та «вибухового» зростання кількості нових незалежних держав. Саме цей період виявився найбільш «врожайним» на жахливі війни, включно з першою та другою світовими війнами. Вдруге ця закономірність підтвердилася в 1980–1990-х рр. у період дезінтеграції СРСР та СФРЮ, коли народилося близько 20-ти незалежних держав, що супроводжувалося спалахом низки війн.

По-друге, на думку Ф. Генца для досягнення вічного миру доцільним було б «абсолютне відособлення їх (держав) одна від одної за допомогою спрямованого на це державного устрою кожної з них»³. Сьогодні, в умовах зростання антиглобалістських настроїв, після Brexit, виходу США з деяких міжнародних торговельних організацій та планами і початками будівництва кількох країн стін на своїх кордонах згадані міркування Ф. Генца, на наш погляд, можуть також привернути увагу дослідників, але вже як соціально-політична антиутопія.

¹ Paterno, M. P. *Diplomacy of Treatises and Political Balance between XVIII and XIX Centuries*/ Maria Pia Paterno [Електронний ресурс] – Режим доступу://<https://pubblicazioni.unicam.it/handle/11581/107622#.WLw-f9SLTQA>

² Генц Ф. О вечном мире (1800)/Фридрих Генц//Трактаты о вечном мире/Сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – СПб. : Алетейя, – 2003. – С. 319–322.

³ Там же.

Третім імовірним шляхом досягнення миру, за його задумом, «... міг би бути вільний союз або абсолютно визначена і організована федерація держав. Мета такого об'єднання повинна полягати в тому, щоб конфлікти, які можуть виникнути між його членами, вирішувалися мирним, правовим шляхом і щоб об'єднана могутність союзу позбавляла кожную прийняту в цей союз державу можливості домагатися свого права силою зброї». Для реалізації такого наміру, на думку Ф. Генца, можна було б розробити і використати різні форми. Зокрема, союзні держави мали б право: а) «призначати при кожному конфлікті одного чи декількох третейських суддів»; б) встановлювати, що «меншість членів союзу завжди підкоряється більшості»; с) «створити постійний конгрес, який розглядатиме усі справи членів союзу, вести всі їх процеси, приймати рішення і виступати в якості вищої інстанції по усім сумнівним правовим пунктам»¹. У цьому шляхові досягнення «вічного миру» привертає увагу думка Ф. Генца про перманентний характер міждержавних, етнополітичних конфліктів, про необхідність їх вирішення виключно «мирним, правовим шляхом», зокрема за допомогою третейських судів.

«Четвертим і останнім шляхом, до якого приводить нас роздум про можливість постійного миру, — стверджував Ф. Генц, — є створення офіційної міжнародної організації, в якій законодавча, судова і виконавча влада були б загальною волею об'єднані в якомусь найвищому органі». Показово, що Ф. Генц одним з перших звернув увагу на роль державної політики, яку він вважав наукою, у запобіганні збройних конфліктів і війн та у досягненні й збереженні вічного миру. Її «велике завдання, — наголошував він, — постійно спрямовувати і впорядковувати стосунки між державами так, щоб вони по можливості наближались до стану законного облаштування громадянського суспільства; вона повинна усувати приводи для війни, поки ще залишається хоч один засіб для мирного врегулювання конфлікту; а якщо війна неминуча, то з самих наслідків війни вивести кращий порядок речей і більше гарантований, наскільки це можливо, мирний стан»².

Мабуть вперше серед тогочасних мислителів Ф. Генц чітко сформулював і ідею про необхідність формування громадянського суспільства, встановлення якого, на його переконання, мало б покласти край не лише збройним конфліктам у середині самих держав, а й війнам між ними. Зокрема, він стверджував: «... той же шлях, який веде до вдосконалення зв'язку в громадянському суспільстві і, отже, до миру усередині держав, веде до миру і в суспільних стосунках між націями». Чимало надій у справі запобігання збройних конфліктів і війн Ф. Генц покладав на формування правових знань і моральних якостей, зокрема почуття

¹ Генц Ф. О вечном мире (1800)/Фридрих Генц//Трактаты о вечном мире/Сост. И. С. Андреева, А. В. Гульга. – СПб. : Алетей, – 2003. – С. 332.

² Там же. – С. 336.

відповідальності й справедливості, як у правителів, так і у народних мас. З цього приводу він зазначав: «... коли в людському суспільстві справедливі й мудрі правителі пануватимуть над освіченими, невимогливими і моральними народами, тоді... число воєн зменшиться»¹.

Але особливу увагу привертає та висока оцінка і ті великі сподівання, які Ф. Генц пов'язував з майбутньою наукою про мир, війни та збройні конфлікти. «Якби існувала наука, — підкреслював він, — яка навчала б засобам встановлення вічного миру, вона була б найвищою з усіх відомих людству наук. Оскільки ж такої науки не існує, слід з повагою відноситися до тієї, яка у своєму досконалому вираженні закладає основу найбільш тривалого миру»². Принагідно зазначимо, що така, омріяна австрійським мислителем наука, навіть науки, зокрема полемологія та мирологія, хай і повільно, але невпинно розвиваються. Більше того, відбувається становлення ще одного суміжного напрямку наукового знання, а саме — етнополітичної конфліктології, покликаної запобігати ескалації збройних етнополітичних конфліктів та їх цивілізованому розв'язанню.

Доводиться констатувати, що праця Ф. Генца завершується на досить песимістичній ноті. Зокрема, він, зазначав: «Що тепер не лише мир, але і сама можливість миру дуже далекі, що тепер війна — бойовий заклик на Землі, і, якщо чудодійні революції не змінять нашу сумну долю, ще довго залишиться таким, — ця сумна істина непохитна»³. На жаль, сумне пророцтво австрійського мислителя збулося. Попри десятки революцій, які рекламувалися їх організаторами як «чудодійні», а можливо саме в їх наслідок, «вічний мир» не лише не було встановлено, а навпаки — відкладено на невизначений час. І тим не менш, теоретичну спадщину Ф. Генца можна сміливо зараховувати до помітного внеску в розвиток мирології, а також у зародження етнополітичної конфліктології.

Слід зауважити, що в ті далекі часи наука про мир називалася «іренологія» (від грецького «eirenene» — мир, англ. — «eirenology»). Однак, ця маловідома і незрозуміла назва в силу різних причин так і не прижилася в лексиконі більшості зарубіжних та українських науковців, які займаються дослідженням даної проблематики. У західній відповідній науковій літературі в 1960–1970-х рр. вона була відомою під назвою «Peace Studies» (Дослідження миру). Проте, з середини 1980-х рр. пов'язані з нею проблеми починають досліджуватися вже переважно в рамках нової галузі наукового знання, яка отримала назву «Peace and Conflict Studies», тобто «Дослідження миру і конфлікту». На Заході сьогодні це вже

¹ Генц Ф. О вечном мире (1800)/Фридрих Генц//Трактаты о вечном мире/Сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – СПб. : Алетейя, – 2003. – С. 344.

² Там же. – С. 336.

³ Там же. – С. 350.

досить впливовий науковий напрям. Підтвердження тому — підготовка у багатьох університетах бакалаврів, магістрів і навіть докторів наук (PhD.) з цієї подвійної спеціальності, випуск наукового журналу «Peace and Conflict Studies» та ін. Однак, на наш погляд, такий підхід є недостатньо коректним, а головне — малоефективним. Здається, більш корисним було б все таки розділити цей напрям на два окремі напрями: а) науку про мир та б) науку про конфлікти. При цьому, першу, тобто науку про мир, назвати «мирологія» (Peaceology). Звичайно, її можна було б назвати і «мирознавство» (Peace Knowledge), але знання, як відомо, це ще не наука. Можна також було б дати їй назву «Дослідження миру» (Peace Studies), але це теж ще не наука, а лише процес набуття знань про мир. До того ж, в обох випадках йдеться про теоретичні аспекти миру, а не про одночасне набуття знань про мир і втілення цих знань у практичну діяльність щодо його досягнення і збереження.

Як би там не було, але автор даної статті пропонує ввести у відповідну українську політологічну та конфліктологічну літературу нове для неї поняття, зокрема «мирологія» — тобто наука про мир як одвічну і найвищу вселюдську цінність. Отже, омріяна австрійським мислителем Ф. Генцем наука про мир, тепер вже під назвою «мирологія», хай і повільно, але невпинно розвивається.

Список літератури:

1. Генц Ф. О вечном мире (1800)/Фридрих Генц//Трактаты о вечном мире/Сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – СПб.: Алетейя, – 2003. – С. 316–350.
2. Friedrich von Gentz, German Publicist and Diplomat [Електронний ресурс] – Режим доступу://URL: <http://www.1902encyclopedia.com/G/GEN/friedrich-von-gentz.html>
3. Gentz, Friedrich Von//Encyclopædia Britannica (11th edition) – Cambridge: Cambridge University Press, – 1910. – Р. 607. [Електронний ресурс] URL: <https://archive.org/stream/encyclopaediabrit11chisrich#page/606/mode/2up>
4. Paterno M. P. Diplomacy of Treatises and Political Balance between XVIII and XIX Centuries/Maria Pia Paterno [Електронний ресурс] – Режим доступу://URL: <https://pubblicazioni.unicam.it/handle/11581/107622#.WLw-f9SLTQA>
5. Tagerbucher von Friedrich von Gentz//The Edinburgh Review, or Critical Journal. – 1863. – Vol. CXVII. – P. 42–82.

Section 2. Political regionalism. Ethnic policies

*Karyapkina Julia Dmitriewna,
Saratov national Research State University
N.G. Chernyshevsky, Master of 2 years of training, faculty of law
E-mail: juliasaratov94@mail.ru*

The impact of national ideology on the socio-political situation in modern Russia

*Каряпкина Юлия Дмитриевна,
Саратовский Национальный Исследовательский Государственный
Университет им. Н.Г. Чернышевского,
магистрант, юридический факультет
E-mail: juliasaratov94@mail.ru*

Влияние национальной идеологии на социально-политическую ситуацию в современной России

Одной из главных составляющих обстановки в стране является социально-политическая ситуация, под которой в первую очередь следует понимать характеристику отношений, формирующихся между обществом и властью в конкретных исторических условиях¹. Изучение социально-политического пространства современной России и влияния национальной идеологии на него, представляет особую актуальность, что связано с наличием ряда неблагоприятных тенденций и с активизацией внешнеполитических факторов, воздействующих на нее. Поддержание устойчивой социально-политической ситуации в стране занимает одно из ключевых мест в системе задач по обеспечению национальной безопасности. Следовательно, возникает острая необходимость изучения социально-политической обстановки в стране, факторов, влияющих на ее стабильность, с целью своевременного реагирования на происходящие процессы и устранения нежелательных последствий.

¹ Евелькин Г.М. Социально-политическая ситуация как проблема познания: к концептуализации понятий и исследовательских подходов // Социология. – 2014. – № 2. – С. 47–58.

Ряд отечественных ученых отмечает, что социально-политическая ситуация в России сегодня носит весьма неутешительный характер. Ее главными особенностями являются тесное единство и переплетение социальных и личных взаимоотношений, политики и экономики, в том числе в личных и государственных интересах, несформированность гражданского общества и слабость его институтов, наличие существенных разногласий между участниками социально-политической жизни, высокая вероятность радикализации политических движений, отсутствие интеграции среди участников социально-политического процесса¹. Также отмечается, что для социально-политического пространства нашей страны характерна высокая концентрация политической власти и ресурсов в руках правящей элиты, процессы олигархизации и маргинализации российского общества за счет нарастания стратификационных процессов в результате дифференциации доходов населения, нарастание социальных различий по территориям страны, а также растущая полярность на основе неравномерного развития территорий, регионов страны². Более того, как известно, социально-политические отношения в современной России переживают некий переходный период, связанный с переходом от закрытого общества к открытому обществу по западному образцу.

Возникает вполне закономерный вопрос: под влиянием каких факторов находится социально-политическая ситуация современной России? Предлагаем обратиться к анализу основных обстоятельств, которые на наш взгляд оказывают непосредственное воздействие на социально-политическую ситуацию в городах и регионах России.

Во-первых, к их числу обязательно следует отнести непосредственно действия органов государственной власти (создание и реализация политических идей). Во-вторых, немаловажное значение здесь имеют действия разного рода общественных организаций (политических, общественных ассоциаций, социально-профессиональных, корпоративных, национальных и религиозных), часть которых можно отнести к так называемой «официальной общественности», а другую часть к гражданским ассоциациям, которые представляют социальные интересы. В-третьих, к факторам социально-политической ситуации смело можно отнести гражданские акции населения, связанные с представительством своих социальных интересов и позиционированием по отношению к иным акторам

¹ Бобровникова М.А., Шевченко В.Н. Социально-политические процессы в современной России: особенности, тенденции, перспективы [Электронный ресурс]//Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19274> (дата обращения 07.02.2017).

² Семченков А.С. Социально-политическая стабильность в доктринальных документах национальной безопасности России [Электронный ресурс]//Философия и общество. – 2016. – № 2 (79). – URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/458495/> (дата обращения 09.02.2017).

социально-политических отношений. В-четвертых, непосредственный отпечаток откладывает также отражение социальных интересов в информационном пространстве России или конкретного региона. Все вышеперечисленные факторы создают условия удовлетворенности, депривации, или конфликтогенности, определяют социально-политический климат в стране или отдельном регионе.

В связи с повсеместной глобализацией, расширением границ российского общества, а также событиями, произошедшими в 2014 году, большое влияние на социально-политическую ситуацию России оказывает национальная идеология, транслируемая российским государством. В соответствии с этнопсихологическим словарем национальная идеология представляет собой систему взглядов, представлений, ценностей, основанных на принципах духовного единства, общности нации и приоритета ее интересов во всех сферах общественной жизни¹. Вообще, национальная идеология по своей сущности призвана аккумулировать политические идеи и ценности, которые разделяются большинством сограждан. Однако, в реальной практике происходит так, что национальная идеология используется политическими лидерами для манипуляции общественным мнением, стагнации и консервации существующих проблем, достижения конъюнктурных политических задач. Такое «расшатывание» национальной идеологии является весьма выгодным, поскольку позволяет не обосновывать политические решения, не ставить крупных целей, а также не отвечать за их достижение. Все это в свою очередь приводит к нестабильности социально-политической ситуации в России и к «потере лица» нашего государства на международной арене.

Анализируя механизм действия национальной идеологии можно сказать, что она обеспечивает индивиду и обществу ту или иную социально-политическую мотивацию определенного типа и направленности, которая, в свою очередь, определяет иерархию социально значимых целей – сверхдолговременных, долгосрочных и текущих².

Стоит отметить, что у большинства наших соотечественников имеется предвзятое мнение и отношение к национальной идеологии. Многими она попросту воспринимается как нечто подобное «национализму», то есть превозношение российской нации и российского этноса над всеми остальными. Однако, это не так. Национальная идеология призвана обеспечить единство общества, ее основу должно составлять доверие народа к правительству, к своей власти. Лишь в таких условиях консолидация и устойчивое развитие страны, обеспечение социально-политической стабильности становится возможным.

¹ Этнопсихологический словарь / ред. В.Г. Крысько. – М.: МПСИ, – 1999. – 343 с.

² Войтоловский Ф. Идеологическая рефлексия мировой политики [Электронный ресурс] // Журнал теории международных отношений и мировой политики. – URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/004.htm> (дата обращения 05.02.2017).

Отечественные аналитики и ученые С.Ю. Малков, Л.М. Исаев и Е.В. Кузьмина в результате многолетнего изучения социально-политической обстановки в России пришли к выводу, что важными факторами ее нестабильности являются¹:

- наличие межэтнических, межконфессиональных и межклановых внутри-элитных противоречий и конфликтов;
- неустойчивость политического режима;
- неравномерность распределения социально-экономических и политических благ;
- высокий уровень бедности;
- чрезмерная коррумпированность государственных структур и объединений;
- наличие более привлекательной альтернативы существующему политическому режиму и прочие.

Исходя из анализируемого опыта большинства ведущих стран, любое государство сегодня должно держать курс на достижение социально-политической стабильности в обществе. Именно социально-политическая стабильность в современных условиях выступает одним из главных условий успешной модернизации, устойчивого социально-экономического и культурного развития государства и общества. Ведь в случае социально-политической нестабильности любое общество переживает кризисное состояние, постепенно начинают формироваться разного рода сектантские объединения, направленные на разжигание межнациональной и межэтнической розни. Национальная идеология в таком случае играет ключевую роль, она выступает неким барьером, который призван поддерживать духовные и исторические ценности, способен не допустить раскол в обществе по национальному и этническому признаку.

Необходимость формулирования национальной идеологии нового образца продиктована несколькими факторами, стоящими перед государством и обществом. В первую очередь, это задача консолидации российского общества в единую нацию, под которой понимается не этническая, а гражданская общность. На сегодняшний день в России отсутствует единая и целостная нация, все общество разделено по многочисленным параметрам, к числу которых главным образом следует отнести отношение к собственности, уровень доходов, характер и степень участия в социально-политической жизни страны. Кроме того, в соответствии с основными направлениями социальной и политической модернизации России национальная идеология представляет особую актуальность в плане обеспечения социально-политической стабильности российского общества. С этой точки

¹ Малков С.Ю., Исаев Л.М., Кузьмина Е.В. Оценка потенциала социально-политической нестабильности в странах центральной Азии с помощью «индекса нестабильности» // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2014. – Т.5. – С. 308–322.

зрения национальная идеология выступает фактором мобилизации страны и всего российского общества.

В связи с вышесказанным отметим, что национальная идеология «нового поколения» должна функционировать с учетом глобальных мировых процессов и обеспечивать стабильность социально-политической ситуации в российском обществе. Анализ современной литературы позволяет нам сформулировать некоторые рекомендации, направленные на эффективное функционирование национальной идеологии в условиях социально-политической нестабильности.

Во-первых, при формулировании новой национальной идеологии следует учитывать демократию и поликультурность народа, населяющего территорию России, а также глобализационные процессы. Говоря другими словами, базовой основой национальной идеологии теперь должны стать гражданские и социально-политические ценности.

Во-вторых, следует сохранять и использовать потенциал этнокультурного фактора, но только лишь с целью торжества национальной идеи, как интегративного фактора гражданского, социально-политического обустройства общества, где могут быть организованы единые политические принципы и идеи, где может стать реальностью сосуществование и равные права в рамках одного российского государства.

В-третьих, национальная идеология должна быть сформирована с учетом ее первоначального призвания, заключающегося в выражении общенациональных интересов, поэтому характер национальной идеологии обязательно необходимо сочетать с установками большинства граждан государства.

В-четвертых, современная российская национальная идеология должна признавать приоритет международно-правовых актов в сфере общественного производства: материального и духовного производства общественных отношений и воспроизводства определенного типа личности российского общества в условиях глобализации мира.

Таким образом, национальная идеология должна быть направлена на развитие и прогресс российского общества, ее задачи должны отражать интересы и возможности, быть понятными для всех граждан страны, национальная идеология должна выступать в качестве реального руководства к действию всех субъектов политического процесса, а также ее основанием в первую очередь должна стать практическая результативность и легитимность.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что национальная идеология будет осуществлять положительное воздействие на социально-политическую ситуацию в России лишь тогда, когда ее базой станут общечеловеческие принципы гуманизма, толерантности, открытости и признание многообразия и поликультурности российского общества.

Section 3.

Political problems of the international relations, global and regional development

*Nechayeva Yelena,
Candidate of Political Science,
The Head of the Department of Political Science of L. N. Gumilyov ENU*

*Smakova Zhanar,
PhD-student of Department of Political Science of L. N. Gumilyov ENU
E-mail: arg.zhanar@gmail.com*

Perspectives associated with implementation of fee-based water consumption in Central Asia as a solution mechanism for water problems in the region

Today the issues of a cooperative consumption of trans-border water supplies are among the key issues of the regional cooperation for Central Asia countries. Being a strategic source required for economic growth of each of five Central Asia countries, water became one of the critical factors of cooperation in the region. The conflict of interests in the use of the key waterways — Syr-Darya and Amu-Darya rivers — in hydropower and irrigation creates some strain in relations between the countries in the region.

The mechanisms of cooperative consumption of water in Central Asia, created 20 years ago, require serious improvement and following improvement. The escalation of the tension in the issues of water management, mutual discontent and suspicion of the countries increase necessity of the new solution for the water management issue.

Trans-border water supplies of the region are collective good to which the countries of the region have access and these countries cannot be excluded from the system of water management. According to a point of view of some experts, only implementation of fee-based water management could solve the issue of distribution of trans-border water supplies in the region. The key argument here is that the establishment of a fee for water consumption will allow to control the flow of rivers in a better way will stimulate the countries to use water more effectively and will satisfy the interests

of all countries. On the other hand free collective good is utilized irrational and irresponsibly.

International practice of the fee-based water consumption. Influencing economic and political development of countries water supplies have become an important factor in the security all around the whole world. Some UN experts think that in the XXI century water will become more important strategic resource than oil and gas because even now one ton of pure potable water in a dry climate costs more than oil¹. UN has adopted Water Convention and several dozens of countries made the following decision on the conference in Dublin (1992): **“Water has its own value for all competitive ways of utilization and should be an economic good”**.

The fee-based water management is common international practice. In the countries like Japan, India, Australia, Philippines and etc. has fees for consumption of water. Besides that agreements on a water trade operate between countries like USA and Canada, Turkey and Bulgaria, Lesotho and RSA.

However, it is important to mention that the international water use right does not encourage simple water trade; instead, the practice of compensation of the value for a water supply service is more popular. The agreement between USA and Canada on the use of Columbia water supply is an example of sale of the water supply service as part of cooperative management of water resources: USA consumes water supplied from dams built by Canada. In addition, it is very important to realize that every case is individual and there is no one unified international norm on the solution of water supply issue.

Perspectives of the fee-based water management in the region.

At the moment the fee-based water management is implemented only in three of five countries of the region: In Kazakhstan (since 1992–1994), Kyrgyzstan (since 1992–1994), and Tadjikistan (since 1996). There is no fee-based water management in the agriculture of Uzbekistan and Turkmenia².

Countries like Kyrgyzstan and Tadjikistan located in the heads of key rivers — Syr-Darya and Amu-Darya rivers — are ardent supporters of fee-based water management. They place demands to countries located in the lower reaches of the rivers on increase of financial consideration for the operation of their hydroelectric power stations in an irrigation mode in the best interests Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenia. Bishkek and Dushanbe for many years point at the essential expenses which they make on the maintenance of hydrotechnical infrastructure and suggest considering water as a commodity.

¹ 90% of Palestinian water is not suitable for drinking. URL: <https://regnum.ru/news/society/1963961.html>. ИА REGNUM. – September 6, – 2015.

² Fee-based water consumption. The demand management. «IWRM-Fergana» Project, – No. 2.1. – Tashkent, – 2008.

The most famous protagonist of this idea are T. U. Usabaliev in Kyrgyzstan and N. A. Ashurov in Tajikistan, recorded many times that water together with fossil fuels are one of the most important economic resources and should have its value. The difference between water resources and fossil fuel is that last-mentioned is in the static condition and water is in dynamic within the catchment basin area. According to their point of view during utilization of both types of resources the expensive for exploration, extraction (for water it is accumulation and flow control in reservoirs) and transportation are equal¹.

The representatives of another point of view, among who V. A. Duhovniy, Y. K. Rysbekov, V. I. Sokolov stand apart, believe that water is a free gift of nature without value. They state that trans-bordered water supplies cannot be a property of a particular country. They suppose that water and energy are incomparable resources and water cannot be a commodity due to the fact that energy can be generated from various types of fuel such as solar energy, wind power or atomic fission. These types of resources are replaceable.

The main points of view on the issue of implementation of fee-based system are guiding legal principles-doctrines.

Table 1.

Serial №	Doctrine	The main point
1	2	3
1.	The doctrine of absolute territorial sovereignty (Harman's doctrine)	Countries located in the heads of rivers can independently manage water sources, including trans-border rivers with the heads located in their territories.
2.	The principle of precede water consumption (the first has all rights)	Consumption of trans-border water resources should protect the interests of countries which started to use these resources first; without making preferences in regard to the territorial belonging of the different parts of a water reservoir.
3.	The doctrine of absolute territorial integrity	The countries located in the low course of rivers have a right to demand continuous, delay-free flow of water from the countries located in the head of the river.
4.	The doctrine of limited territorial integrity	Every country has a right for limitless consumption of water from shared rivers passing their territories, as long as this consumption does not violate the rights and interests of other bordered countries.

¹ Mubarakshin B. N. Approaches of Central Asia Republics to implementation of regional water industry. Vestnik MGIMO – No. 6 (39). – 2014.

1	2	3
5.	The doctrine of harmony of interests	A river is one hydrologic unit and management of it should be executed as for an integrated unit. Each country within the water reservoir has a right to take actions against any other country within the reservoir if this country can influence to the resource without cooperation and permission from the neighboring countries.

The countries located in the heads of rivers support the principle of limited territorial integrity while the countries located in the lower reaches of the rivers support the doctrine of harmony of interests. The countries located in the lower reaches of the rivers insist on abidance of such rules of international ecologic right as prohibition of causing trans-boundary harm and environmentally sound management of natural resources. In spite of calls from international organizations the countries located in the head of rivers do not sign agreements securing such rights.

Taking into account the difficult environmental situation around Aral Sea reservoir, where main trans-border rivers — Syr-Darya and Amu-Darya discharge, increasing water deficit and rising consumption of water due to population growth in the region the most rational solution for the issue is considered cooperative mechanisms of water consumption based on the doctrine of harmony of interests.

At the same time, in the Interdepartmental Coordination Water Commission strategic document «The Main principles of regional hydroeconomic strategy for Aral sea reservoir» as a replacement for an exchange of fuel, energy and water resources payment for regulation of flow in the reservoirs is provided for¹. The establishment of definite limits for an abstraction of water from reservoirs is expected according to ecologically sound volumes of water in rivers, and fair and uniform distribution of it between the countries. The payment for the exceedance of established limits, equivalent to the value of water as a resource, will be used to development of modern actions on water supply to the reservoir.

Today the specified regulations are a compromise, however, in order to implement these regulations update of legislation is required; this update should include sanctions for not-execution of accepted obligations.

In addition, according to the point of view of regional experts A. K. Shapara, V. V. Boltova, D. M. Mamatkanova the compromise solution could be to charge money not for supply of water, but for compensation of operating expenses, damage to the environment, denied profit due to the swamping of land and etc. In this case the value of water resources is determined by expenses related with the operation.

¹ «Main provisions on regional hydroeconomic strategy for Aral sea reservoir» (Project GEF, – 1996–1997, the Head professor J. Kindler).

Therefore, the countries in the region do not have united approach to the implementation of fee-based water consumption. Compelling stands of Central Asia countries on this issue are not just different, they are opposite. For that reason implementation of fee for water as for a commodity is impossible at the moment.

References:

1. 90% of Palestinian water is not suitable for drinking. URL: <https://regnum.ru/news/society/1963961.html>. IIA REGNUM. – September 6, – 2015.
2. Fee-based water consumption. The demand management. «IWRM-Fergana» Project, – No. 2.1. – Tashkent, – 2008.
3. Mubarakshin B. N. Approaches of Central Asia Republics to implementation of regional water industry. Vestnik MGIMO – No. 6 (39). – 2014.
4. «Main provisions on regional hydroeconomic strategy for Aral sea reservoir» (Project GEF, – 1996–1997, the Head professor J. Kindler).

Section 4.

Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

*Dyachenko Yyliya Vladimirovna,
Saratov State Law Academy,
PhD of Political Sciences, Associate Professor,
E-mail: polit78@inbox.ru*

Constitutionalism as a way of reflecting changes in the theory of forms of government in contemporary political practice

Abstract: In the article the author considers the importance of the tendency of formation in modern political practice of a new category «hybrid forms of government». On an example of the Basic laws of the separate states explains specificity of fastening of changes in control systems. Shows the need to study constitutionalism as a way of expressing the basic transformations in politics and public life.

Keywords: constitutionalism, hybrid forms of government, monarchy, republic, constitution.

The manifestations of constitutionalism are traced today in most countries, but in each of them there is a specificity of these manifestations due to the differences in the systems of state structure (forms of government) in them. In political science, the most common is the division of forms of government into monarchies and republics, and their internal classification — into an absolute, dualistic, parliamentary monarchy, a presidential and parliamentary republic, which has always and now has a rather tough nature. At the same time, modern political realities have led to the fact that these varieties are undergoing serious changes due to the significant dynamics of social development as a whole.

Such changes can be traced by analyzing the activities of heads of state, the functioning of individual branches of power, but in a complex such transformations are clearly revealed when studying the texts of the basic laws of modern countries. The articles and regulations outline the leading directions for the implementation of state

political practice, which is increasingly more at odds with the previously accepted characteristics of established forms of government. Proceeding from this, in modern political theory, the concept of «hybrid/atypical forms of government»¹, what largely contributed to the revision of political theory in a separate areas.

«Pure», traditional forms, according to many modern constitutionalists, lawyers and political scientists, are less and the forms of government in newly emerging or long-existing states, as a rule, combine different features, which is reflected in the renewal of their constitutional foundations². In the newly emerging mixed forms of government, the rigidity of existing classifications is also lost by legal features: the features of absolute and constitutional monarchy, republic and monarchy, presidential and parliamentary republics are combined. All this gradually led to significant changes in constitutional processes and phenomena in modern countries, and as a result of this — to the emergence of new modifications of constitutionalism as a political and legal phenomenon that determines the basis of the system of social interaction.

One of the vivid examples of a serious change in the characteristics of the form of government is the design of the phenomenon «monarchical republic». It is common to describe the monarchy as a way of governing, in which the head of state is hereditary and life-long, and until his majority the state is governed by the regent or the regency council. However, under modern conditions, such monarchies have been formed, where the head of state is not life-long or hereditary, but is re-elected after a certain period of time. A similar system exists, for example, in the United Arab Emirates, a kind of federal elective monarchy. In this state, the head is re-elected every 5 years from several emirs who are hereditary rulers each in their subject of a large federation. This equates the head of state — the monarch to the president, and the monarchical form of government to the republican.

The supreme council of seven emirs — subjects of the federation has all the full power — it adopts laws. The National Assembly, appointed by the emirs (each emir appoints a certain number of members, established by the Provisional Constitution of 1971, and depends on the size of the emirate), is only of an advisory nature. The Supreme Council of the emirs elects the head of state every 5 years, but he is constantly elected the head of the largest emirate of Abu Dhabi, which occupies 86% of the territory of the UAE. Despite such elections, the main powers of the head of state are concentrated in the Council of Emirs. In this way in the UAE is the collective monarch³.

¹ Мироненко П. В. К вопросу о гибридных формах правления в современном мире // Вопросы управления. – 2013. – № 3. – С. 78–79; Худолей Д. М. Основные, гибридные и атипичные формы правления // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. – 2010. – Выпуск 4 (10). – С. 53.

² Фекина А. В. Научное и практическое значение толкования термина «форма государства» // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 8. – С. 5–6.

³ Конституция Объединенных арабских эмиратов / Интернет-библиотека. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=89>

In the Vatican the situation is similar, with the only difference being that the state is not federal. The head is elected by election from several candidates for the throne, each of which is also determined by election. Moreover, today it is not only clergymen who can formally nominate their candidatures for the Pope's election, but also laypeople, which brings such a system even closer to the specifics of the republican system.

Above we talked about monarchies, which have a republican feature — the systematic election of the head of state. At the same time, in the modern world, in a number of political systems, there appeared republics, which are characterized by the most important element of the monarchy — irremovability of the head of state. Unlike the super-presidential republics, where the constitutions provide for the periodic re-election of the head (Kazakhstan, Belarus), the basic laws of the presidential-monocratic republics included exactly lifelong presidents, «leaders of the state». The beginning of this was laid back in the middle of the twentieth century, today such practice is traced in Malawi and North Korea, and in the latter the president's son, already during his father's life, was proclaimed his successor¹.

Monarchies in the world are quite numerous, but the number of variants of the «hybrid» forms of the monarchy is rather limited because of the nature of the form of government itself. Mixed and «hybrid» forms of the republic with many varieties are much more promising. There is a very different mix of elements of the parliamentary and presidential republics, and sometimes the appearance of such traits that none of these forms had. In the latter case, it is not just a mixture of different aspects of individual varieties of the republican form of government, but a new quality is born, a kind of hybrid arises.

As we know, there are several distinctive features of the presidential and parliamentary republics, but the main difference between them lies in the way political responsibility of governments (council, cabinet). All other signs, including the procedure for appointing the government, are not decisive legally.

If the president is not only legally but also actually free in the choice of ministers, he himself solves this issue and, at his discretion, has the right to dismiss any of his members (including the prime minister, if there is such a position), and the parliament (its lower house) is not entitled to dismiss the government Or its individual ministers in resignation by a vote of no confidence (resolutions of censure, etc.), then this is the presidential republic. If the government is formed in practice by the parliament (the president's act on the appointment of ministers expresses only the will of the parliamentary majority, and it can not be otherwise: the government of the other party affiliation will not get approval of its program in parliament and, therefore, will

¹ Конституция Малави/Интернет-библиотека. URL: <http://constitutions.ru/?p=8799>;
Конституция КНДР/Интернет – библиотека. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=30>

not be created) and is not accountable to the president, and before the parliament, it is a parliamentary republic.

In recent decades, the above main feature is increasingly subject to various adjustments. As a result, there are fewer and fewer «clean» presidential or parliamentary republics, semi-presidential, semi-parliamentary ones emerge republic. For this purpose, the concept of «rationalized parliamentarism» is used, which aims to limit the power of parliament and strengthen executive power, as well as the demand of a responsible government, inextricably linked with the idea of a parliamentary republic. However, despite all the positive characteristics, the presidential republic gravitates towards authoritarianism, and the executive branch escapes from the parliamentary control. The government of a parliamentary republic in a multiparty system, especially if there is no dominant party or a stable coalition of parties, forming a parliamentary majority together, is weak and unstable, is often «overthrown» by parliament.

In order to combine the above-mentioned positive elements of the parliamentary and presidential republics and form the most effective system of state governance, the first of them introduces a restriction of a vote of no confidence, and in the second — creates a limited form of a vote of no confidence. The possibilities for passing a vote of no confidence are limited in different ways. In Germany, for example, there is a «constructive vote of no confidence»: distrust of the Chancellor (Prime Minister) is considered to be accepted if a resolution on mistrust (and such resolution is introduced only by a significant number of members of parliament) indicates the surname of his successor. In other words, such a resolution is adopted simultaneously with the appointment of a new chancellor, which excludes the «non-governmental» state of the country. In addition, temporarily, until the formation of a new government, the departed.

In France it is required that the resolution of censure be motivated, signed by not less than 1/10 of the composition of the lower house and, unlike Germany, is accepted not simply by the majority of the lower house, but by an absolute majority of its composition.

The creation of mixed forms (in any case, a trend towards this) is connected, further, with the establishment in the presidential republic of the responsibility to the parliament of individual ministers, but not the head of government, which is actually, and often legally, the president. This trend found expression in the constitutional law of a number of Latin American countries — Venezuela, Colombia, Peru, Uruguay, etc. In particular, in Costa Rica, according to the 1949 constitution, ministers (but not the prime minister, who in fact is the president, and does not have this title) may be dismissed by a decision of 2/3 of the votes of the Parliament if they inflicted damage to the state power.

In some presidential republics a special post of the administrative prime minister (Egypt, Peru, Turkey, etc.) is created, but he does not determine the policy of the government, this is done by the president, who remains his actual leader. The President

presides over formal government meetings, the Prime Minister is in charge of the operational activities of the government and conducts his informal meetings, and then in a number of countries, each time only on the instructions of the president. However, the creation of such a position made it possible to establish the responsibility of the government as a whole, and not only of individual ministers, to the parliament, while leaving the actual head of the government-president.

At the same time, although the government is responsible to the parliament, its president is appointed without the latter's approval. When expressing a vote of no confidence in the Prime Minister or the entire composition of the government in a number of countries, the president must dismiss the ministerial council in resignation. But in Egypt this absolute requirement applies only to individual ministers. If the mistrust is expressed to the Prime Minister or the government as a whole, the president may disagree with this and return the matter to a new parliament consideration. If the parliament confirms its decision, the president has the right to bring the disputed issue to a referendum. The results of voting in favor of the government (prime minister) entail the dissolution of the parliament, in favor of parliament — the resignation of the government. Thus, while in Egypt a vote of no confidence in the government is possible, its implementation is seriously hampered¹.

In other countries, there are no such harsh conditions, but always the raising of the question of trust in the government in the presidential republic is possible only by a significant number of members of parliament. The decision is made by an absolute majority of the entire composition of parliament (the relevant chamber), and sometimes by a qualified majority (2/3).

The considered variants represent only some aspects of modern political processes, reflected in the basic laws of modern states. The described transformations of forms of government are connected with a number of features, and, first of all, the countries themselves, which adopt similar constitutions. An important influence on these processes is also exerted by a diversified external influence, which is inevitable under the conditions of modern geopolitical processes. However, the most significant in modern conditions are not the causes of the changes, but their political and constitutional consequences. Since it is the Basic Law of any state that represents a document officially fixing the existing system of exercising power in the country, it will act as the main way to reflect and the changes that arise in it. Consequently, modern constitutions as independent documents, as well as constitutionalism, as a politico-legal phenomenon inextricably linked with them, require a serious and long-term study for the formation in the state of the most successful system of interaction of all the guiding elements of the political system.

¹ Конституция Египта/Интернет-библиотека. URL: <http://constitutions.ru/?p=9553>

References:

1. Мироненко П. В. К вопросу о гибридных формах правления в современном мире//Вопросы управления. – 2013. – № 3.
2. Конституция Египта/Интернет-библиотека. URL: <http://constitutions.ru/?p=9553>
3. Конституция КНДР/Интернет-библиотека. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=30>
4. Конституция Малави/Интернет-библиотека. URL: <http://constitutions.ru/?p=8799>
5. Конституция Объединенных арабских эмиратов/Интернет – библиотека. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=89>
6. Фекина А. В. Научное и практическое значение толкования термина «форма государства»//Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 8.
7. Худoley Д. М. Основные, гибридные и атипичные формы правления//Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. – 2010. – Выпуск 4(10).

Law Sciences

Section 1. Civil law

*Matsakyan Goar Surenovna,
postgraduate student of Department of Civil law
at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow
E-mail: goar.matsakyan@gmail.com*

The main features of the usufruct under Austrian law

*Мацакян Гоар Суреновна,
аспирантка кафедры гражданского права
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва
E-mail: goar.matsakyan@gmail.com*

Особенности usufructa по Австрийскому праву

Узуфрукт или так называемое право пользования плодами и доходами (der Fruchtnießung)¹ по Австрийскому гражданскому уложению (далее — АГУ) признается разновидностью личного сервитута наряду с правом пользования (das Recht des Gebrauches) и жилищным сервитутом (Dienstbarkeit der Wohnung) (§ 478 АГУ). Так, § 509 АГУ гласит: «пользование плодами и доходами представляет собой право пользоваться чужой вещью без каких-либо ограничений при условии бережного отношения к субстанции вещи»². Из приведенного определения следует вывод о том, что имущество, обремененное узуфруктом, может использоваться управомоченным лицом (узуфруктарием) не только для удовлетворения своих личных потребностей, но и в иных целях, не противоречащих нормам закона и не нарушающих права и охраняемые интересы других лиц³. Вместе с тем, исходя из особенностей юридической природы узуфрукта,

¹ См. об этом подробнее: Koziol H., Welser R. Bürgerliches Recht I. Wien, – 2006. – P. 425.

² Всеобщий гражданский кодекс Австрии/пер. с нем. М.: Инфотропик Медиа, – 2011. – С. 95.

³ См.: Ludvig Ritter von Kirchstetter. Commentar zum österreichischen Allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuche – mit vorzüglicher Berücksichtigung des gemeinen deutschen Privatrechts. F. A. Brockhaus, – 1872. – P. 270.

узуфруктарий, осуществляя права владения и пользования в отношении обремененного имущества, должен обеспечить сохранение его назначения.

По содержанию узуфрукт и право пользования практически ничем не отличаются. Они предоставляют своему субъекту возможность владеть и пользоваться вещью. Однако правомочие пользования, входящее в содержание права пользования, имеет ограниченный характер, поскольку режим использования обременяемого имущества определяется, исходя из потребностей пользователя, существующих в момент заключения соглашения об установлении права пользования. Наступившие в последующем изменения в материальном положении или роде занятий пользователя не дают ему права требовать от собственника расширения его права пользования вещью (§ 506 АГУ).

Что касается жилищного сервитута, то он, согласно предписаниям § 521 АГУ, представляет собой «право использовать пригодную для проживания часть дома для своих потребностей». Однако, если управомоченному лицу предоставляются одновременно «все жилые части дома с условием бережного отношения к субстанции вещи без ограничения в пользовании», то соответствующее отношение квалифицируется как отношение по установлению и содержанию узуфрукта (§ 521 АГУ).

Примечательно, что австрийское гражданское право восприняло римскую идею расширенного толкования понятия «вещь» и делит вещи на телесные и нетелесные, понимая под первыми «воспринимаемые органами чувств» предметы материального мира, а под вторыми — права, например, право охоты, рыбной ловли (§ 292 АГУ). Таким образом, узуфрукт в Австрии устанавливается как в отношении движимых и недвижимых вещей, так и в отношении прав.

Наряду с классическим узуфруктом, объектом которого выступают индивидуально-определенные, непотребляемые вещи, АГУ закрепляет конструкцию «квазиузуфрукта». В отличие от германского и французского законодательства, где под «квазиузуфруктом» в собственном смысле подразумевается только узуфрукт на потребляемые вещи, в австрийском законодательстве господствует «широкий подход» к определению данного понятия. Так, по смыслу § 510 АГУ объектом «квазиузуфрукта» выступают потребляемые вещи и права требования по денежным обязательствам. Принципиальной особенностью «квазиузуфрукта», отличающей его от классического узуфрукта, является то, что потребляемые вещи поступают в собственность управомоченного лица, а не во владение и пользование. В связи с этим австрийский законодатель подчеркивает, что «сами по себе потребляемые вещи не являются предметом для их использования или получения от них плодов; предметом этого является их стоимость» (§ 510 АГУ). Если речь идет об установлении «квазиузуфрукта» на права требования по денежным обязательствам, то узуфруктуарий приобретает право на получение процентов от суммы долга. Естественно, что у управомоченного лица возникает обязанность

по возврату полученных вещей, а у первоначального собственника — право призывания. В то же время АГУ не предусматривает каких-либо специальных требований относительно способов исполнения соответствующей обязанности. Например, по германскому праву узуфруктуарий взамен полученных в собственность потребляемых вещей обязан по окончании «квазиузуфрукта» возместить лицу, установившему «квазиузуфрукт», их стоимость (§ 1067 Германского гражданского уложения)¹. Французское законодательство наделяет узуфруктуария правом выбора между двумя вариантами действий — он может возвратить собственнику либо равное количество полученных им вещей того же рода и качества, либо их денежный эквивалент (ст. 587 Французского гражданского кодекса)².

Необходимо подчеркнуть, что, начиная с римского права, во всех правопорядках континентального типа «квазиузуфрукт» не квалифицируется как особое вещное право, распространение узуфрукта на потребляемые вещи и права рассматривается как прием юридической техники.

Субъектами узуфрукта (узуфруктуарием) могут выступать граждане и юридические лица. В отличие от иных зарубежных правопорядков, в рамках которых узуфрукт нашел законодательное закрепление, АГУ не предусматривает ограничения в отношении срока предоставления узуфрукта юридическим лицам. Согласно § 529 АГУ узуфрукт, установленный в пользу юридического лица, действует до тех пор, пока лицо существует.

Основаниями приобретения узуфрукта по АГУ являются договор, заключаемый между собственником обременяемой вещи и узуфруктуарием, завещание, судебное решение по делам о разделе общего имущества. Узуфрукт может быть приобретен также на основании давностного владения (§ 480 АГУ).

Для установления узуфрукта на недвижимое имущество необходимо заключить договор об установлении узуфрукта и зарегистрировать его в соответствующем публичном реестре (поземельной книге). Как указывается в § 431 АГУ, «это внесение называется внесением вещного права в публичный реестр (интабуляцией)». В соответствии с предписаниями § 481 АГУ на недвижимое имущество, не внесенное в публичные реестры, узуфрукт приобретается путем подачи в депозит суда удостоверенного документа о предоставлении узуфрукта. По общему правилу узуфрукт, установленный на движимую вещь, вступает в силу с момента ее физической передачи (§ 426 АГУ). Вместе с тем законодатель выделяет ряд движимых вещей, которые в силу своих физических свойств не могут

¹ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. Пер. с нем./В. Бергманн. М.: Инфотропик Медиа, – 2015. – 888 с. (Серия «Германские и европейские законы»). – С. 347.

² Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) – Code civil des Français (Code Napoléon)/ пер. с фр. Захватаева В. Н. М.: Инфотропик Медиа, – 2012. – С. 205.

передаваться посредством вручения («из рук в руки»), например, «долговые требования, фрахтуемые грузы, товарный склад» и т. п. Для передачи таких вещей закон предусматривает особый порядок — так называемую символическую передачу, суть которой заключается в том, что собственник передает узуфруктуарию документы, которыми удостоверяется узуфрукт на это имущество, или передает инструменты, посредством которых узуфруктуарий оказывается в положении, когда только он может получить владение вещью или когда вещь помечается знаком, по которому каждый может ясно понять, что вещь передана другому лицу (§ 427 АГУ).

Что касается оснований прекращения узуфрукта, то следует отметить, что подобно другим ограниченным вещным правам узуфрукт прекращается при гибели (уничтожении) обремененной вещи, истечении срока его действия, отказе узуфруктуария от своего права, совпадении в одном лице собственника и узуфруктуария (§ 524–528 АГУ). Узуфрукт, предоставленный до достижения третьим лицом определенного возраста, прекращается только в установленный срок даже в случае смерти последнего (§ 528 АГУ). В качестве специальных оснований прекращения узуфрукта австрийский законодатель выделяет смерть гражданина-узуфруктуария и ликвидацию юридического лица-узуфруктуария.

Попутно заметим, что австрийский законодатель отходит от традиционного понимания узуфрукта как непередаваемого и неотчуждаемого права и допускает его передачу в порядке наследования. В частности, если собственник и узуфруктуарий специально предусматривают в договоре, что узуфрукт должен перейти и к наследникам, то такое распоряжение не считается недействительным. Однако, если условия договора не позволяют точно определить, к каким наследникам перейдет узуфрукт после смерти узуфруктария, то презюмируется, что ими являются наследники по закону первой очереди, т. е. дети и их потомство (§§ 529, 731 АГУ). Вместе с тем следует иметь в виду, что узуфрукт, предоставленный семье, переходит к каждому из ее членов (§ 529 АГУ). Это означает, что каждый из членов семьи обладает самостоятельным вещным правом на обремененное имущество.

Подводя итог рассмотрению отдельных положений АГУ об узуфрукте, можно сделать вывод о том, что по набору конститутивных признаков он представляет собой особое ограниченное вещное право, которое берет свое начало от римского *ususfructus*.

Список литературы:

1. Всеобщий гражданский кодекс Австрии/пер. с нем. – М.: Инфотропик Медиа, – 2011.

2. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) – Code civil des Français (Code Napoléon)/пер. с фр. Захватаева В. Н. – М.: Инфотропик Медиа, – 2012.
3. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. Пер. с нем./В. Бергманн. М.: Инфотропик Медиа, – 2015. – 888 с. (Серия «Германские и европейские законы»).
4. Koziol H., Welser R. Bürgerliches Recht I. Wien, – 2006.
5. Ludvig Ritter von Kirchstetter. Commentar zum österreichischen Allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuche – mit vorzüglicher Berücksichtigung des gemeinen deutschen Privatrechts. F. A. Brockhaus, – 1872.

Section 2. History of studies of law and state

*Akmatova Amanay Tursunbaevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Theory of State and Law
Osh State Law Institute Kyrgyz Republic, Osh city
E-mail: quelle-osh@mail.ru*

State legal measures on realization the cultural revolution in the period of becoming Kirghiz autonomous oblast

Abstract: The article examines the complex of state legal activities for the literacy of the Kyrgyz people during the period of national — state formations.

Keywords: illiteracy, school, culture, revolution, public institutions, state.

*Акматова Аманай Турсунбаевна,
кандидат исторических наук, и. о. доцент кафедры
«Теории государства и права»
Ошский государственный юридический институт
Киргизская Республика, г. Ош
E-mail: quelle-osh@mail.ru*

Государственно — правовые меры по осуществлению культурной революции в период становления Киргизской автономной области

Аннотация: В статье анализируется комплекс государственно — правовых мероприятий по проведению ликвидации безграмотности киргизов в период национально — государственного образования.

Ключевые слова: Неграмотность, школа, культура, революция, государственные учреждения, государство.

Киргизская автономная область представляла собой форму советской автономии. Киргизская автономная область (КАО) — форма

национально-государственного образования киргизского народа, основанная на базе Советов, возникшая на основе диктатуры пролетариата. Киргизская автономная область явилась политической формой самоопределения киргизского народа в рамках Советской федерации, служившей средством обеспечения национального суверенитета. Киргизская автономная область (КАО) имела свое территориальное деление и обладала элементами территориального верховенства, имела публичную власть, администрацию, суд и своего представителя в высшем органе власти РСФСР. Делопроизводство в государственных учреждениях, судопроизводство в органах правосудия и обучения в школах проводилось на языке киргизского народа.

Национальная культура киргизского народа находилась на стадии развития в силу сложившихся условий, которые определялись общей экономической и культурной отсталости края, преобладанием докапиталистических отношений, кочевого и полукочевого образа жизни, малочисленностью рабочего класса, неграмотностью, отсутствием национальной интеллигенции.

На территории Киргизской автономной области проживало в 1925/26 году 829.300 жителей, из них в городах — 84 700 человек, т. е. 10,2% и в сельских местностях — 744.600 человек, или 89,8%. В 1925–1926 учебном году обучением было охвачено только 39% всех детей школьного возраста. Не хватало школам помещений, учебных пособий, оборудования, особенно педагогического персонала. Неграмотность населения превышало 80 процентов. В 1919 году, несмотря на тяжелую экономическую и политическую обстановку страны, В. И. Ленин ставил на очередь вопрос о борьбе с неграмотностью и 26 декабря 1919 года подписал исторический декрет — «О ликвидации безграмотности среди населения». Так, рядом с военным фронтом и фронтом борьбы с хозяйственной разрухой, создался третий фронт — культурный, на котором первоочередной задачей встала борьба за грамотность. Этот последний фронт потребовал большого напряжения и сил, и средств, и времени. Борьба на этом фронте длилась почти все 20 лет. Царская Россия к началу империалистической войны имела только около одной четверти грамотного населения. В. И. Ленин писал о России незадолго до империалистической войны: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной кроме России»¹.

В Декрете было указано, что все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию. Обучение это ведется в государственных

¹ Ликвидация неграмотности (указатель постановлений партии и правительства (1919–1939 гг.) Ленинград. –1940. –с. 3

школах, как существующих, так и учреждаемых для неграмотного населения по планам Народного Комиссариата Просвещения.

На третьей сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XII созыва, проходившая 8 ноября 1926 года А. Орозбеков выступил с докладом. Председателем заседания был М. И. Калинин, который был председателем ЦИКа СССР и ВЦИК РСФСР. На повестке заседания 8-м пунктом был заслужен доклад А. Орозбекова. Доклад Киргизской Автономной Области состоял из двух частей: политический доклад и деловой отчет. Политический доклад прочитал на киргизском языке А. Орозбеков. Перевод с киргизского на русский осуществлял Токбаев. Деловой отчет зачитал И. А. Фатьянов.

«Царское правительство сделало все для угнетения трудовых масс киргизского народа. Национальное угнетение не имело границ. Лучшие земли отбирались. Никаких культурных мероприятий — школ, больниц — царское правительство не строило и, пользуясь темнотой и невежеством, непосильно эксплуатировало киргизскую бедноту. Октябрьская революция раскрепостила бедняка и середняка — киргиза и дала возможность положить начало национальному возрождению киргизского народа. Киргизское население неудержимо потянулось в больницы, в школы, проявляет активное участие в общественной жизни»¹.

В деловом докладе И. А. Фатьянова было отмечено, что «в отношении грамотности состав сельских и волостных советов оказался далеко не удовлетворительным. Неграмотных в сельских советах вместе с самоучками, оказалось около 80% всего состава. Наша страна почти неграмотная, ибо в ней 95% неграмотных, остальные 5% — или жители городов, или одиночки, люди, которые в прошлом имели возможность учиться, благодаря своему имущественному и общественному положению. Так, например, на всю территорию, занимаемую ныне Киргизией, в 1914 году школ первой ступени было 70, из них около одной трети было в городах или в европейских селениях. Революция, наряду с хозяйственными и другими мероприятиями, открыла широкие возможности в деле народного образования»².

В прениях выступил Ж. Абдрахманов: «Я остановлюсь только на одном моменте: до национального размежевания мы не имели ни одной газеты на национальном языке, после него возникло две газеты на киргизском языке; до национального размежевания у нас не было ни одного учебника, ни одной азбуки на родном языке, за полтора года нашей работы мы достигли того, что имеем в этом году свыше 40 названий книг на национальном языке. Это говорит за то, что

¹ Образование Киргизской Автономной ССР. Материалы и документы. – Фрунзе – 1927 г. – С. 16.

² Образование Киргизской автономной ССР, – Фрунзе, – 1927, – С. 27.

несмотря на нашу культурную отсталость и недостаток грамотных людей, все же мы, при помощи и поддержке рабочего класса Союза ССР, под руководством партии, культурно и хозяйственно растем и строим в далекой отсталой окраине Советского Союза социалистическое государство — Киргизстан»¹.

В докладе было отмечено, в 1923 году было 223 школ с количеством учащихся в 35 тысяч человек, в 1925/26 году 460 школ с числом учащихся в 35 тысяч человек. «Школьное строительство за истекшее время было очень и очень невелико. В кочевых районах мы не имели никаких школ и вообще никаких зданий, где можно было бы учиться, — мы детей учили в юртах даже зимой. Это создает чрезвычайно тяжелую обстановку. Дело ликвидации неграмотности у нас находится в не менее тяжелом положении. Из числа свыше 200 тыс. человек от 15 до 30-летнего возраста, мы в прошлом году обучили в наших 160 школах ликбеза около 8 тыс. человек. Естественно, что, несмотря на значительные количественные достижения, мы должны сказать, что дело народного образования только сдвинуто с мертвой точки, и вся работы еще впереди. В настоящее время в целом ряде ВУЗов, средних учебных заведений, за пределами Киргизии, учатся свыше 500 человек киргизской молодежи, из них свыше 60% исключительно киргиз. Все эти достижения являются для Киргизии, несомненно, колоссальными, и такие достижения можно иметь лишь при советской власти»².

Процесс ликвидации культурной отсталости шел очень медленно. Это все препятствовало в строительстве и укреплении Киргизской государственности. Обращая на это внимание, Всекиргизской съезд Советов в марте 1927 года подчеркнул в своем решении, что «задачи индустриализации страны и развития сельского хозяйства не могут быть выполнены без подведения более культурной базы». Поэтому одной из основных задач, стоящих перед национальным государством, было осуществление больших мероприятий по поднятию культуры. Работа по преодолению культурной отсталости осуществлялась под руководством и при постоянной помощи РСФСР. При Наркомпросе РСФСР был создан специальный Комитет по просвещению национальных меньшинств, куда входили представители всех автономных республик, в том числе Киргизской ССР. Положение о нем было утверждено ЦИКом Киргизской АССР 19 ноября 1929 года. Наркомпрос республики имел отделы: социального воспитания, политического и профессионального образования, по делам литературы и издательства, политико-просветительный комитет, научно-методический совет. Наркомпрос и его отделы свою деятельность направляли в соответствии с законодательством Союза ССР и РСФСР, ЦИК и СНК Киргизской АССР. В культурном строительстве

¹ Образование Киргизской автономной ССР, – Фрунзе, – 1927, – С. 38–39.

² Там же. – С. 27–28.

важное место занимало народное просвещение. Поэтому правительство Киргизской АССР прежде всего уделяло серьезное внимание увеличению ассигнования на нужды народного образования. Средства для этой цели за четыре года 1926/27–1928/29 увеличились с 1490 тысяч рублей до 4375,7 тысячи рублей, т. е. в три раза. Это позволило значительно расширить сеть школ, укрепить их материальную базу, развернуть школьное строительство, расширить и улучшить подготовку педагогических кадров. Выросла сеть школ. Например, если в 1925/26 учебном году в Киргизии функционировало 484 школы первой ступени с 35 тысячами учащихся, то в 1929/30 учебном году количество школ первой ступени достигло 593 с общим числом учащихся 48.026 человек. Охвачено было начальным обучением более 40% всех детей школьного возраста. Количественно и качественно вырос учительский состав. В 1928–1929 году в школах республики работало 1105 учителей, в том числе 459 киргизов. Среди киргизов — преподаватели со средним образованием составляли уже 10%. Для составления и издания учебных пособий для киргизских школ был организован Киргизский Академический центр. В 1928 году издано 100 наименований учебников и разной литературы на киргизском языке против 26 в 1926 году.

Строились и открывались начальные, семилетние и средние школы, специальные высшие и средние учебные заведения, готовились учительские кадры из коренной национальностей. Преподавательские кадры готовились через систему краткосрочных курсов, педагогических техникумов. В 1930–1931 гг в высших и средних заведениях Москвы, Ленинграда, Харькова, Ташкента, Саратова, Казани обучалось 929 человек, в том числе 516 киргизов. В 1935/36 учебном году число начальных школ республики составляло 1614, т. е. было в 3 раза больше, чем в 1929/30 году, а неполных и средних школ 169, что превышало количество школ 1929 года в 7,9 раза. Количество учащихся в начальных, неполных средних и средних школах выросла до 195457 человек, а преподавателей — до 5.238 человек. В 1936/37 учебном году в республике работало 17 специальных средних учебных заведений и три вуза: пединститут (1932 г.), сельскохозяйственный институт (1933 г.) и двухгодичный учительский институт в г. Фрунзе (1935 г.), в которых обучались 5703 студента.

Государственные органы организовывали работу по ликвидации неграмотности населения в Киргизстане. По данным Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года, в Киргизстане из 989,971 человека грамотных насчитывалось 114636 человек, в том числе 31223 киргиза. Таким образом, грамотные по отношению к общему числу населения республики составляли 15,1%, а из числа киргизов еще меньше — 4,7%. Грамотных женщин — киргизок было всего 926 человек.

«... в стране безграмотности построить коммунистическое общество нельзя», — говорил В. И. Ленин. «Безграмотный человек стоит вне политики, его

сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика». Поэтому дело ликвидации безграмотности имело важное государственное значение. Для непосредственного руководства этой работой создавались республиканский штаб по ликвидации неграмотности и комиссии по ликбезу при отделах народного образования. С 15 июля 1930 года в помощь малограмотным начала выходить специальная газета «*Сабаттуу бол*» «*Будь грамотным*» на киргизском языке. Широко практиковались месячники, культурные эстафеты, культпоходы по ликвидации неграмотности, проводились слеты культурных армейцев. Во время проведения этих форм работы по ликбезу в аилах, кыштаках и деревнях проводились общие собрания граждан, на которых читались доклады, проводились беседы о значении, целях и задачах ликвидации неграмотности, организовался сбор средств и книг в пользу ликбезу, проводился учет неграмотных. Создавались женские клубы, красные юрты и специальные школы грамоты. Большую роль в ликвидации неграмотности сыграли кочевые джайлонные Советы. Например, Сусамырский джайлоо Совет в 1928 году открыл 6 пунктов и 18 кружков ликбеза на 255 человек.

Вопрос о ликвидации неграмотности был обсужден Президиумом ЦИК Киргизской АССР 28 февраля 1934 года, специальные постановления по ликбезу были приняты Совнаркома Киргизской АССР 5 ноября 1935 года, 13 декабря 1936 года. 21 августа 1937 года ЦК КП (б) Киргизии и СНК Киргизской ССР приняли совместное постановление «*О ликвидации неграмотности*», в котором отмечали неудовлетворительный ход ликбеза, ставили перед советскими, партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями задачу добиться к моменту выборов в Верховный Совет СССР поголовной грамотности населения.

Государство отпускало огромные средства на обучение неграмотных. Если для этой цели в 1926 году была ассигнована 31 тысяча рублей, то в 1936 году эта сумма достигла 230 тысяч. За период с 1925 по 1936 год на ликвидацию неграмотности и малограмотности было затрачено 3 млн. 747 тысяч рублей.

Такая кропотливая работа с участием общественности давала свои положительные результаты. Грамотность населения республики возрастала. Например, в 1926/27 г. обучались грамоте 4500 человек, 1927/28 г. – 6042, 1928/29 г. – 12000, а 1935/36 г. 125 тысяч человек. Грамотность среди населения Киргизии в 1936 году была доведена до 53%, а в 1939 году поднялась до 70%. Это было величайшим завоеванием культурной революции в Киргизии. Однако в годы первых двух пятилеток проблема грамотности не была решена. Ликвидация неграмотности завершилась к началу 40-х годов.

В результате осуществления культурной революции сложился новый, духовный облик киргизского народа, его новые общие черты национального характера, общность культуры.

Так, в ходе социалистического строительства складывалась общность экономики, территории, языка и культуры киргизского народа, формировалась киргизская социалистическая нация.

Киргизское государство, обеспечивая преодоление экономической и культурной отсталости киргизского народа, само укреплялось и совершенствовалось в ходе этого грандиозного по своим масштабам и значимости преобразования.

Список литературы:

1. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. – Т. 44. – С. 168.
2. Ликвидация неграмотности (указатель постановлений партии и правительства (1919–1939 гг.) – Ленинград. – 1940. – С. 3.
3. Образование Киргизской Автономной ССР. Материалы и документы. – Фрунзе, – 1927. – С. 16.
4. Образование Киргизской автономной ССР, – Фрунзе, – 1927, – С. 27, – С. 38–39.
5. Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (С древнейших времен до наших дней). – Бишкек, – 2005. – С. 337.

Section 3. International law

*Al-Maliki Hadi Naiem Khalaf,
University of Baghdad,
PhD in International Law, Faculty of Law
Al-Tameemi Saad Mohsin Desher,
Kursk State University,
Master, Faculty of Law
E-mail: Saadmohsen8676@gmail.com*

The reform of the UN Security Council in the context of globalization

*Аль Малики Хади Наием Халаф,
университет Багдада,
доктор международного права, юридического факультета
Аль Тамими Саад Мухсин Дишер,
Курский государственный университет,
Магистр, юридического факультета
E-mail: Saadmohsen8676@gmail.com*

Реформа Совета Безопасности ООН в условиях глобализации

В статье предпринимается попытка рассмотреть основные аспекты адаптации Совета Безопасности ООН (далее СБ ООН) к реалиям XXI в. С одной стороны, СБ ООН в своем нынешнем формате может, при наличии твердой политической воли его членов и соблюдении ими норм Устава ООН, более эффективно решать поставленные перед ним задачи даже без новых полномочий или принципиальных институциональных преобразований. С другой стороны, назрела необходимость лучше представить интересы развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки в СБ ООН и удовлетворить разумные заявки стран этих континентов на членство в СБ ООН на постоянной основе.

В условиях распространения новых вызовов и угроз глобальной стабильности и укреплению центральной координирующей роли СБ ООН в управлении международными рисками способствовали бы предлагаемые в статье меры по совершенствованию работы таких механизмов СБ. А также согласно Уставу ООН, Совет Безопасности (СБ) несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Необходимо выделить следующие принципы реформирования Совета Безопасности: а) реформа должна обеспечить большее вовлечение в принятие решений тех, кто «вносит наибольший финансовый, военный и дипломатический вклад»; б) к принятию решений должны привлекаться страны развивающегося мира; в) реформа не должна подорвать эффективность работы Совета Безопасности; г) реформы должны усиливать демократический и подотчетный характер этого органа¹.

Все основные предложения и рекомендации по реформе Совета Безопасности принято условно делить на две большие группы: реформы, связанные с изменением Устава ООН, и реформы, не связанные с изменением Устава ООН. Чтобы иметь полную картину места и роли Совета Безопасности в современном мире, необходимо рассмотреть позиции и предложения по реформе СБ ведущих стран мира. Условно их можно разделить на две большие группы: государства G4 (Германия, Индия, Бразилия, Япония), выступающие за увеличение числа постоянных членов СБ, и группа «Uniting for consensus» («Единство ради согласия») оппоненты «G4». «Данная группа государств, в которую входят Аргентина, Канада, Колумбия, Коста-Рика, Италия, Мальта, Мексика, Пакистан, Республика Корея, Сан-Марино, Испания и Турция, выступают за расширение Совета Безопасности исключительно по категории непостоянных членов»².

Очевидно, что позиция «Uniting for consensus» основана на стремлении не допустить постоянного членства Германии, Японии, Индии и Бразилии в клубе привилегированных»³.

Точка зрения США на реформу СБ ООН является несколько двусмысленной. С одной стороны, их официальная пресса пишет, что Соединенные Штаты открыты к реформе и расширению Совета Безопасности ООН и признают этот элемент важнейшей функциональной единицей ООН. С другой стороны, США,

¹ Голованова Е. В. Возможности реформирования совета безопасности ООН//Политэкс. – Том 7. – № 2, – 2011. – С. 168.

² Сергеев В. О реформе Совета Безопасности ООН//Аналитические записки. Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. – Выпуск 1(13) – февраль – 2006. – 19 с.

³ Голованова Е. В. Возможности реформирования совета безопасности ООН//Политэкс. – Том 7. – № 2, –2011. – С. 169.

выступают против реформирования Совета Безопасности ООН в соответствии с теми механизмами, которые предложил Генеральный секретарь ООН¹.

В вопросе реформирования ООН, включая ее Совет Безопасности, Китай неизменно стоит за то, что решения по реформированию надо выносить на основе демократических консультаций и обстоятельных обсуждений, при единогласии большого числа государств. Китай готов поддерживать диалоги и консультации с другими государствами-членами ООН по этому вопросу².

Россия в этом вопросе занимает более гибкую позицию, так как для России главным требованием остается эффективность обновленного Совета³, а важнейшим критерием под держки любого из претендентов на место постоянного члена Совета Безопасности ООН является консенсус или максимально широкое согласие, близкое к консенсусу.

Великобритания намерена добиваться расширения состава постоянных членов Совета Безопасности ООН путем включения в состав постоянных членов Бразилии, Индии, ЮАР и Японии⁴.

Позиция Франции в данном вопросе остается двойственной. С одной стороны, Франция соглашается с необходимостью изменения «всемирного управления»⁵. С другой стороны, по мнению аналитиков, Франция (как и Россия, Китай, США и Великобритания) не желает расставаться с правом вето⁶.

Учитывая важность и необходимость поиска оптимального реформирования ООН с позиции постоянных членов Совета Безопасности, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, следует отметить произошедшие радикальные перемены в мировой политике конца XX в., коллапс Советского Союза и окончание «холодной войны», которые привели к распаду биполярной системы международных

¹ Сергеев В. О реформе Совета Безопасности ООН//Аналитические записки. Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. – Выпуск 1(13) февраль – 2006. – 19 с.

² Заявил официальный представитель МИД КНР Цинь Ганн (Ответы официального представителя...)[Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/fyrth/t228855.htm> (дата обращения 8.03.17).

³ Заемский В. Ф. Дискуссия вокруг реформы СБ ООН//Мировая экономика и международные отношения. – № 11. –2008. – С. 28.

⁴ Совбез ООН обновляется. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://briansk.ru/world/sovbez-oonobnovlyayetsya.20071016.84030.html>. (дата обращения 12.02.17).

⁵ Выступление Николая Саркози..., [Электронный ресурс]. Режим доступа:URL: <http://actualcomment.ru/man/538/>(дата обращения 3.03.17).

⁶ Генассамблея ООН приступает..., [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.vedomosti.ru/newline/news/2009/02/18/730478>; Советы Безопасности..., URL: http://www.gazeta.ru/2005/07/11/oa_163600.shtml (дата обращения 16.01.17).

отношений. В связи с этим, по мнению многих стран, назрела необходимость реформирования Организации Объединенных Наций. В начале XXI в. Совет Безопасности подвергся серьезной критике со стороны многих стран мирового сообщества, а необходимость его реформы стала очевидной.

Во-вторых, возникло чрезвычайное множество предложений относительно возможности этой реформы.

В-третьих, деятельность Совета Безопасности в начале XXI в. и очевидная необходимость его реформирования вскрыли существенные противоречия между ведущими странами мира, которые вряд ли можно будет быстро преодолеть в обозримом будущем. Таким образом, проведение самой реформы откладывается на неопределенное время.

В заключение, следует отметить, что любые подходы к реформе Организации Объединенных Наций не будут иметь значения, если они не будут касаться реформы Совета Безопасности. Реформа же самого Совета Безопасности требует принятия решения по двум важнейшим вопросам. Первый затрагивает увеличения постоянных членов Совета безопасности с правом вето. Второй касается увеличения непостоянных членов с 10 до 19 по принципу представительства одного непостоянного члена от каждых 10 государств ООН.

Список литературы:

1. Голованова Е. В. Возможности реформирования совета безопасности ООН // Политэкс. – Том 7. – № 2, – 2011. – С. 165–174.
2. Сергеев В. О реформе Совета Безопасности ООН // Аналитические записки. Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. – Выпуск 1 (13) – февраль – 2006. – 19 с.
3. Заявил официальный представитель МИД КНР Цинь Ганн (Ответы официального представителя..., [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/fyrth/t228855.htm> (дата обращения 8.03.17).
4. Заемский В. Ф. Дискуссия вокруг реформы СБ ООН // Мировая экономика и международные отношения. – № 11. – 2008. – С. 27–31.
5. Совбез ООН обновляется. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://briansk.ru/world/sovbez-oonobnovlyaetsya.20071016.84030.html>. (дата обращения 12.02.17).
6. Выступление Николая Саркози..., [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://actualcomment.ru/man/538/> (дата обращения 3.03.17).
7. Генассамблея ООН приступает..., [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.vedomosti.ru/newsline/news/2009/02/18/730478>; Советы Безопасности..., URL: http://www.gazeta.ru/2005/07/11/oa_163600.shtml (дата обращения 16.01.17).

*Oinarova Assem Askarovna,
L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Second year doctoral student, Law Faculty
E-mail: assem.oinarova@gmail.com*

Structure of the integration unions: Supreme Council of EAEU and European Council of the European Union

*Ойнарова Асем Аскараровна,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
докторант 2 курса, юридический факультет
E-mail: assem.oinarova@gmail.com*

Структура интеграционных объединений: Высший совет ЕАЭС и Европейский совет ЕС

International organizations have their own inner structure, which provides the gaining of organizations' aims and tasks. But there is a similarity among numbers of international organizations' bodies. For instance, there are bodies, which include all members of the international organization and administrative bodies, which are created for providing an appropriate way of working of the organization. Moreover, in accordance with goals of organization, there could be created secondary bodies.

Also, the Eurasian Economic Union as an international organization of region integration is not an exception.

The agreement of deeper integration in humanitarian and economical spheres was signed on March 29, 1996 in Moscow between the Republic of Kazakhstan, the Republic of Kyrgyzstan, the Republic of Belarus and the Russian Federation. This Agreement settled the highest body of managing the organization — the Interstate Council¹.

In accordance with paragraph 1 of article 18 of the Agreement the Interstate Council consists of heads of the states, heads of governments, ministers of international relationships and the Chairman of the Integration committee with the right of an advisory vote.

The Interstate Council was authorized to develop the strategy of cooperation, define its main stages, make complied decisions and control their fulfillment, approve statements on the integration managing bodies and on the order of their funding.

¹ Agreement between Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Republic of Kyrgyzstan and Russian Federation on deepen integration in economic and humanity spheres of – March 29, – 1996// URL: <http://pravo.kulichki.com/zak/megd/meg02806.htm> (date of usage 07.10.2016).

Sessions of the Interstate Council were held on an as-needed basis but not less than two times a year¹.

Decisions of the Interstate Council could have obligatory character for bodies and organizations of states-members of the Agreement, which should have been providing their fulfillment. Decisions could be transformed into national legislation of agreed countries (paragraph 1 article 24 of the Agreement).

Next integration step — establishing the integrated market zone — demanded the changing in structure of bodies, which manage integration process, but with maintenance of the succession. In international organization “Eurasian Economic Community” the highest body was the Interstate Council.

In 2007 in recognition of forming the Customs Union of Eurasian Economic Community in accordance with Agreement on establishing the customs territory and forming the Customs Union (signed in Dushanbe on October, 6, 2007) the structure of bodies, which provide functioning of the Customs Union².

Particularly, according to the article 1 of Protocol on amendments for the Agreement on establishing the Eurasian Economic Community of October, 10, 2000, Interstate Council became the highest body of the Customs Union³.

In 2011 as part of the Customs Union Agreement of Eurasian Economic Commission was signed. In article 3 of the agreement expression “The Supreme Eurasian Economic Council” was used⁴. Explanation was given in article 38 of the agreement: “The Supreme Eurasian Economic Commission should be read as the Interstate Council of Eurasian Economic Community at the level of States Leaders and Governments Leaders”. Moreover, authorities of the Interstate Council were listed in this article. The Interstate Council was given its power in accordance with international agreements, forming international treaty framework of the Customs Union and the Common Free Market Zone. Also, it has been given certain authorities in accordance with decisions of the Interstate Council of the Eurasian Economic Community on issues of the Customs Union and the Common Free Market Zone, which were hereinafter commit to Supreme Eurasian Commission Council⁵.

¹ Statute on Interstate Council of Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Republic of Kyrgyzstan and Russian Federation of – May 16, – 1996. Bulletin of integration development – 1996. – No. 1. – P. 16–25.

² Bulletin of international agreements. – 2011. – No. 7.

³ Bulletin of international agreements. – 2008. – No. 7.

⁴ Chronology of development of EAEU//URL: <http://www.eaeunion.org/#about-history> (date of usage 24.10.2016)

⁵ Pashenko A. V. Institutes of Eurasian Economic Union: Interstate Council and Supreme Eurasian Economic Council. Reforms and law #3 2013.//URL: <http://www.center-bereg.ru/o316.html> (date of usage 07.10.2016).

The Presidents of the Customs Union and the Common Free Market Zone member states signed Agreement on Eurasian Economic Union during the session of the Supreme Eurasian Commission Council on May, 29, 2014. The Agreement specified changeover of the eurasian economic project to new level of integration. Agreement on Eurasian Economic Union (the Agreement on EEU) came into power on January 1, 2015.

According to articles 10–13 of Agreement on EEU, the Supreme Economical Council is the highest body of the Union. States' Leaders are in the structure of the Supreme Council.

The Supreme Council considers principal issues of the Union work, it defines the strategy and perspectives of integration development and makes decisions, which are directed to the Union aims realization.

The main authorities of the Supreme Council are defined in article 12 of the Agreement on EEU.

Also, according to paragraph 2 article 19 of Agreement of 2014 the Supreme Council determines the list of issues, which require consensus of Commission Board opinion on its decisions.

Institution of the Interstate Council by the Agreement of 1996 became the central point of the creation of the main body of EAEU — Supreme Eurasian economic council. In different periods of integration the main function of Supreme council was permanent — defining the strategy, directions and perspectives of forming and development the integration union.

Legal status of Supreme Council and other bodies of EAEU are consolidated in one legal act — the Agreement of 2014.

Also, one of spectacular example of regional integration is European Union (EU). Institutions of the Union are: European Parliament, European Council, Council, European Commission, Court of the European Union, European Central Bank, Chamber of Audit.

If we are talking about European Council of the European Union, its legal status is defined in article 15 of the Agreement on European Union of February 7, 1992.

European Council is identified as one of the institution of EU in Lisbon Agreement on amendments in Agreement on the European Union and in Agreement on establishing the European Community of December 13, 2007.

The European Council was initially not involved in the Community decision-making process and did not take legally binding decisions, it was clear that, on the political level, the institutionalization of the meetings of the Head of State or Government did pose a threat to the position of the Commission and the Council¹.

¹ Lenaerts K., Van Nuffel P. European Union Law. 3rd edition. – London: Swwet & Maxwell, Thomson Reuters, – 2011. – P. 475.

Although European Council is excluded out of the legal process, its decisions as declarations become legal acts of EU. Doubtless, the Chairman of the European Council enhanced the effectiveness and succession of work of the European Council and the European Union¹.

After examining different main bodies of international organizations, it is necessary to conclude that existing the bodies with participation of states leaders is an essential condition of integration development and solution of critical problems, which appears during the process of integration activity.

To take into account Supreme Eurasian economical council, it is important to note, that it was established at the beginning of the dawn of economical integration in 1996. Alternatively, the European council was labeled as the institute of EU in 2007 by Lisbon Agreement.

Main function of the Supreme council of EAEU and the European Council is defining the development of integrated union. Supreme council realizes this function through defining the strategy, directions and perspectives of EAEU forming. European Council gives stimulating impulses and defines its general political milestones and priorities. These priorities and milestones are reflected in article 68, article 121 paragraph 2, article 148 paragraph 1, article 222, paragraph 4 of the Agreement of 1957.

The important element in defining integration union development is international cooperation. The Supreme council confirms the Order of fulfillment the international cooperation by the EAEU. The European Council also institutes strategic interests and aims of EU in external policy. If this function was under the supervision of the other body, it would be difficult to achieve the synchrony in defining the aims and its accomplishment.

In an integration union all bodies are interrelated in one or another degree they influence to functions, process of decisions making, structure of the bodies. In cooperation of the Supreme Council and the Commission, the first body determines number of members of the Commission's Board and allocates obligations between members of the Board, also, the Chairman of the Commission's Board is nominated by the Supreme Council for the period of 4 years on the rotation basis without right to prolong. The Supreme council terminates the powers of the Commission's Board and makes decisions about beforehand termination of authorities. Interoperating of the European Council and European Commission is characterized by existing bigger number of institutions and degree of integration between EAEU and the EU is different. For instance, Commission's members are elected among citizens of member states on the system of a strictly-equitable rotation between member states, which allows to show demographic

¹ Kaveshnikov N. U. Lisbon Agreement and its affect for the EU development. P. 60–61//URL: <http://www.ieras-library.ru/doc/liss1.pdf> (date of usage 04.10. 2016)

and geographical range of all member states. This system is unanimously ascertained by the European Council, also it could change the number of members. In the light of elections into the European Parliament and after realization of conformed consultations the European Council in its qualified majority offers a candidate for the Commission's Chairman place. The Commission has a collegial responsibility under the European Parliament. The European Parliament is able to impeach credibility to the Commission. If a censure vote is accepted, members of the Commissions are obliged to resign.

After observing of these two systems of cooperation between the Supreme Council and the Commission and the European Council and the European Commission we can summarize that these bodies have similar directions of cooperation (assignment of a chairman, definition of number of members), but there is also discrepancy, which can be explained by organizational structures (termination of functions by the Chairman and the Commission). Existence of these different characteristics testifies that organizational structure of unions has its own development direction, which is characterized by different conditions (legal, historical, numbers of member states, etc.)

The Supreme Council also confirms the order of the European Economical Commission work. Therefore, the European Commission accepts its own order of work to prove its functionality and working of its services. The European Council does not participate in this process.

The Supreme Council allocates judges of the Court of EAEU. Judges of the Court are allocated by the governments of states on the consensus basis after consultation with a committee, constituted for the resolution about availability of candidates for the judges position. It should be done before the allocation by the countries.

Among authorities of a Chairman of the European Council is help in achieving the consensus in the European Council. This condition also should be an authority for the Chairman of the Supreme Council of the EAEU. At this stage members of the EAEU are 5 countries. There is a possibility to increase the number of members of this organization. This leads to existing new interests, which require some decisions. In this issue an important role could play the Chairman of the Supreme Council for achieving a consensus and cohesion of the Supreme Council. During work of the Supreme Council the role of chairman is essential, he administers meetings of the Supreme Council, organizes work of the Supreme Council, maintains general administration on preparation the issues, which are concerning by the Supreme Council, also he takes part in getting consensus and cohesion.

Since the moment of coming into force of the Agreement of 2014 some meetings of the Supreme Council of EAEU have been held. One of them was held on October 16, 2015 in Burabaj on the north of Kazakhstan. During this meeting the most actual issues and perspectives of the EAEU development were discussed. As a result of the session of the Supreme Eurasian Economic Council the decision on "coordination of actions

of Eurasian Economic Union member-states on issues of conflux of EAEU and «economic way» of the Silk Way” was made. Parties also signed a range of documents, which determine the order of interaction between EAEU and Eurasian Economic Commission with third countries. As well Main directions of international policy of EAEU for 2015–2016 and Approaches for development of trade and economic cooperation with main partners of EAEU for midterm¹. As a result of examining key issues of the Supreme Council agenda, we can note, that SEEC realizes following functions: defines strategy, directions and perspectives of forming and development of the Union and makes decisions, directed to the fulfillment of the Union’s aims; adjudges negotiations with third party as the Union, on signing agreements with a third party as well. Issues, discussed during the session underline an important role of the Supreme Council in EAEU development. The Supreme Council is an “engine room” of integration in EAEU.

On May 31, 2016 regular session of SEEC was held. It is important to note, that 2016 year was announced as “Year of deeper economic relations between EAEU and third countries and key integration unions”. During this meeting also questions of cooperation with different alliances and states were discussed. Especially, cooperation with countries of Shanghai Cooperation Organization and ASEAN. In this direction many steps have been made already. Free-trade zone with Vietnam has been created, a list of concise project for connection the EAEU and Silk Way is preparing².

Transformation of Supreme Council and variety of levels of integration on the way to EAEU became important elements of acting Supreme Council of EAEU. All institutes of EAEU are consolidated into joint legal act, functions and process of decision making are defined.

The process of Eurasian integration establishing and developing is tightly connected with perspectives of building new world architecture. The Idea of eurasian integration is a key direction of the internal political course of the country and the most important strategic orientation of its future development, because the Republic of Kazakhstan is an initiator and a progressive adherent and participant of integration projects on the post-soviet area³. Nowadays one of main structures, which realize the idea of Eurasian integration, is Supreme Council of EAEU.

¹ Summary of Supreme Council of EAEU meeting//URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/итоги-заседания-высшего-экономического-совета-еаэс> (date of usage 30.10.2016).

² What was discussed by the Leaders of EAEU on the Supreme Council session//URL: <https://kapital.kz/economic/50759/chto-obsuzhdali-lidery-eaes-na-zasedanii-vysshego-ekonomicheskogo-soveta.html> (date of usage 30.10.2016).

³ Zakieva Zh.K. Eurasian economic integration: transcontinental corridors of cooperation. Integration processes on the Eurasian areas and modern world: Materials of science-practical conference (Almaty, Nov.14, 2012)/Almaty: Kazakh Institute of strategic researches of the President of Kazakhstan, 2013. P. 61.

“This project has been funded with support of the European Commission. The publication reflects the view only of the author, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.”

Section 4. Organization of law-enforcement activities

*Ivantsov Volodymyr Oleksandrovych,
Kharkiv National University of Internal Affairs,
Associate Professor at the Department of Administrative Activity of Police
E-mail: v.a.ivantsov@gmail.com*

*Chyshko Kateryna Oleksandrovna,
Kharkiv National University of Internal Affairs,
Senior Lecturer at the Department of Administrative Activity of Police
E-mail: ekaterinachishko@gmail.com*

Problems of surface inspection as a police measures

The adoption of the Law of Ukraine On The National Police¹ (hereinafter — the Law) was a reflection of the legal reform of Internal Affairs of Ukraine. As a result, the police, like a not perfect soviet element, were liquidated, and the National Police was created to replace them, as the central executive authority that serves the people on the European model.

The undeniable advantage of the current Law become the definition of the content, grounds and limits of the application of actions or a set of actions of a preventive or compulsory nature, that restricts certain human rights and freedoms — police measures. A special place among the latter is occupied by a “superficial check”, which is unquestionably a new normatively fixed complex category, in fact it is: 1) visual inspection of a person; 2) carrying on the surface of a person’s clothing by hand, a special device or a tool; 3) visual inspection of a thing or vehicle. Despite the existence of many positive changes in the outlined issue, the use of surface verification as a police measure is not without some problematic issues.

It should be noted that stopping a person is a compound surface test, because the latter, in addition to visual inspection, is hardly possible without a person stopping. Therefore, the wording “a policeman can stop people and/or inspect them to perform

¹ On The National Police: Law of Ukraine of 02.07.2015 number 580-VIII//Statements of Supreme Council of Ukraine. – 2015. – No. 40–41, – art. 379.

a superficial check of the person” (part 2 of Article 34 of the Law) is not very correct. Thus, a person who has been stopped for a superficial check cannot be considered to have been subjected to administrative detention or detention in the understanding of the Criminal Procedure Code of Ukraine (hereinafter — The Code of Criminal Procedure), since surface verification cannot last more than a few minutes. In turn, the provisions of part 2 of article 34 of the Law fully comply with article 209 of The Code of Criminal Procedure, according to which “a person is detained from the moment when she by force or through obedience to order, is compelled to remain close to an authorized official or in a room determined by an authorized official”¹. In such circumstances, during a surface inspection, a person may be considered detained, although in fact this is not the case, because a superficial check does not provide for the detention of a person. We can state that a superficial check is a preventive police action not related to detention, according to The Code of Criminal Procedure, because “superficial verification” and “detention” are completely different legal categories. Differentiation past may hold for the purpose of their application.

Surface verification is carried out in order to prevent the commission of offenses in a broad sense (as a preventive measure), and cannot continue for a considerable period of time, and therefore cannot be recognized as detention or administrative detention. On the contrary, the application of surface verification can precede the immediate detainment of a person. It must be understood that a person stopped for a superficial check by a policeman is next to him not by force or order (no force is applied to a person and no requirement is made to stay in place), but through the correspondence of the police right to nominate a claim, which leads to the duties of a citizen. Unlike a superficial check, a person is detained for the purpose of preventing unlawful acts or for clarifying the involvement of a detainee in a committed criminal offense. In this case, in case of detection of traces of the commission of an offense, depending on its type, a person may be subjected to administrative detention (articles 261–263 of The Code of Administrative Offences of Ukraine² (hereinafter — The Administrative Code) or detained in accordance with the provisions of article 208 of The Code of Criminal Procedure.

If, during a superficial inspection, any traces of an offense are found, the policeman ensures their safety and inspection in accordance with the requirements of article 237 of the Code of Criminal Procedure (part 7 of article 34 of the Law). In turn, according to part 1 of article 237 of The Code of Criminal Procedure with the aim of “detecting and fixing information on the circumstances of the commission of a

¹ The Criminal Procedural Code of Ukraine of 13.04.2012 – No. 4651-VI//Statements of Supreme Council of Ukraine, – 2013, – No. 9–10, – No. 11–12, – No. 13, – art. 88.

² Code of Ukraine on Administrative Offences of 07.12.1984 – № 8073-X//Statements of Supreme Council of the Ukrainian SSR, – 1984 addition to the – number 51, – art. 1122.

criminal offense”, the investigator and the prosecutor conduct an inspection of the terrain, premises, things and documents¹. So, a policeman who has discovered the traces of an offense cannot independently seize things that are also an object of increased danger for both the police officer and others (for example, firearms, explosives etc.). As a result, it is not clear how a policeman who is not an investigator (usually a police patrol policeman) can inspect and ensure the safety of any traces of the offense. A comprehensive analysis of the current regulatory and legal provisions gives grounds to offer us the following legal mechanisms for exercising the powers of the police and documenting the relevant facts in accordance with the provisions of The Code of Criminal Procedure. The importance of a correct approach to documenting the fact of the seizure of such items is due to the requirements of article 86 The Code of Criminal Procedure “Admissibility of Evidence”.

1. If, in a superficial inspection, the police officer has detected signs of a specific offense, namely: if this person was caught while committing a crime or attempting to commit it; if immediately after the commission of a crime, an eyewitness, including a victim, or a combination of obvious signs on the body, clothing or place of incident indicates that this person has just committed a crime; if there are reasonable grounds to believe that it is possible to escape in order to evade the criminal liability of a person suspected of committing a grave or especially grave corruption offense attributed by law to the jurisdiction of the National Anti-Corruption Bureau of Ukraine², he has the right to detain a person in accordance with the criminal procedure legislation, as well as to search the detainee under part 3 of article 208 The Code of Criminal Procedure.

Under the circumstances proposed by us, a policeman as an authorized official can make a detention in the understanding of The Code of Criminal Procedure. In this case, the policeman may be guided by the provisions of article 45 of the Law. In particular, within the framework of the described legal mechanism in the case of a person being detained, the police officer has the right to apply in particular such special means: handcuffs and other means of limiting mobility; rubber and plastic batons; devices, grenades, ammunition and small-sized explosive devices for the destruction of obstacles and forced opening of premises; devices, grenades and ammunition of light and sound action, means of acoustic and microwave effects; devices for shooting cartridges equipped with rubber or similar in their properties missiles of non-lethal force; means, equipped with safe smoke-forming preparations.

In addition, the norms of parts 11 and 12 of article 46 of the Law provide for the right of a police officer to alert a combat weapon not only during the detention of a

¹ The Criminal Procedure Code of Ukraine of 13.04.2012 – number 4651-VI//Statements of Supreme Council of Ukraine, –2013, – number 9–10, – number 11–12, – number 13, –art.88.

² Ibid.

person, but also during the demonstration of the last thing or thing that a policeman needs to inspect, “if he believes that in the current situation, there may be grounds for its application” (part 11) or “when detaining persons for whom a police officer has a suspicion of committing a grave or especially serious crime. And also when checking documents from such persons, a policeman can alert firearms and warn a person about the possibility of using it” (part 12)¹. The implementation of such police activities should ensure the personal safety of the police and other people.

2. In case of detection of traces of an offense, if there is no possibility of even an approximate evaluation of its attribution to the corresponding type (criminal or administrative), we suggest a separate legal mechanism for the actions of the policeman. An example of such a situation may be the identification of firearms or explosives in a person, which may constitute a crime under articles 263, 263–1 of The Criminal Code of Ukraine or administrative violation in accordance with articles 190–193, 195–2 of The Administrative Code. Under such circumstances, the requirement of the police officer to independently show the contents of personal belongings can immediately endanger both the policeman and others. At the same time, once again we note that the policeman has no right to seize things himself, which is probably the subject of an offense. At the same time, unlike the previous mechanism, it is necessary to understand that the implementation of detention according to the provisions of The Criminal Procedure Code can by no means always be legal proceeding from the content of article 208. As a consequence, we consider it possible for the police to commit the following actions.

In the case of a superficial inspection, if the person himself shows the contents of personal belongings or a vehicle, the police officer has the right to bring the weapon to combat readiness in accordance with article 46 of the Law. In the event of a person refusing to independently show the contents of a thing or vehicle in order to ensure the safety of traces of a “possible” offense, the police officer has the right to use physical force — “to ensure personal safety and/or the safety of others”.

3. When performing a superficial inspection, since a person must independently show the contents of personal items, in practice there are cases when a person refuses to “cooperate with the police”, that is, show the contents of the things or the vehicle’s salon. Such inactivity of a person is a manifestation of an administrative offense — “malicious disobedience to a lawful demand or order of a policeman” (article 185 of The Administrative Code). Such a conclusion is possible to be made based on the provisions of the Supreme Court of Ukraine decision “on malicious disobedience to the lawful demands or orders of the police officer while performing his official du-

¹ On The National Police: Law of Ukraine of 02.07.2015 number 580-VIII//Statements of Supreme Council of Ukraine. – 2015. – No 40–41, – art. 379.

ties”, according to which “malicious disobedience is the refusal to perform persistent, repeatedly repeated legal requirements or instructions ... Or a refusal expressed in a defiant form, which indicates a clear disregard”¹.

The execution of an administrative offense by the person to whom the superficial verification was carried out is the basis for administrative detention (articles 260, 262 of The Administrative Code). Conducting administrative detention is inextricably linked with the implementation of the inspection in accordance with the provisions of article 264 of The Administrative Code and as consequence — withdrawal of “things and documents being an instrument or direct object of an offense” (article 265 of The Administrative Code). At the same time, documenting the fact of seizure of things that could be the subject of a crime (firearms, narcotic drugs and psychotropic substances) within the framework of proceedings for administrative offenses is quite legal, as it is expressly provided for in The Administrative Code. In turn, this approach to ensuring the personal safety of the policeman and other people, as a whole, does not exclude the possibility of providing police with safety and inspection of any traces of an offense under article 237 of The Criminal Procedure Code.

¹ Regarding malicious disobedience to legitimate demands or orders of a police officer in the performance of his official duties: Decision of the Supreme Court of Ukraine of 10.07.1998. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/n0054700-98>.

Section 5

Business law

*Naumenko Anastasia Sergeevna,
Rostov State Transport University, student*

*Dzhelaukhova Ekaterina Gennadievna,
Rostov State Transport University, student*

*Adamchuk Ekaterina Evgenyevna,
Rostov State Transport University,
Senior lecturer of the department «Civil Law and Process»
E-mail: n.s.naumenko@rambler.ru*

Transport business and transport security: a balance of interests is possible?

*Науменко Анастасия Сергеевна,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
студентка*

*Джелаухова Екатерина Геннадьевна,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
студентка*

*Адамчук Екатерина Евгеньевна,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»
E-mail: n.s.naumenko@rambler.ru*

Транспортный бизнес и транспортная безопасность: возможен ли баланс интересов?

Общеизвестным является тот факт, что транспорт играет значительную роль в жизни людей. Каждый из нас в повседневной жизни так или иначе взаимодействует с различными его видами: водным, воздушным, автомобильным или железнодорожным. Последний из них на протяжении вот уже долгого времени

является ключевым, так как развитая сеть железных дорог позволяет обеспечить перевозку грузов, пассажиров, багажа и грузобагажа даже в наиболее отдаленные и труднодоступные участки местности в сравнительно короткие сроки без лишних материальных затрат. При этом, железнодорожный транспорт может функционировать в достаточно суровых погодных условиях, что также признается одним из факторов, благодаря которым данный вид транспорта был и остается востребованным.

Таким образом, функционирование железнодорожного транспорта в рамках нашего государства представляет не только экономический, но и общественно-государственный интерес. Железнодорожный транспорт позволяет обеспечивать связи между регионами Российской Федерации для поддержания стабильного экономического состояния на обширной географической территории. Также железнодорожный транспорт является стратегическим объектом и тесно взаимодействует с обеспечением военно-промышленного комплекса. Благодаря железнодорожному сообщению в период Великой Отечественной войны удалось перевезти ряд военных заводов в Сибирь, перевозить металлы с мест добычи до места переработки, а в последующем направлять готовую военную продукцию на линию фронта. В условиях СССР железнодорожный транспорт находился в собственности государства.

Учитывая тот факт, что транспортный бизнес непосредственно связан с источниками повышенной опасности, вопрос транспортной безопасности является весьма актуальным.

Федеральный закон от 09.02.2007 N 16-ФЗ «О транспортной безопасности» определяет транспортную безопасность как «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства».

В Российской Федерации функции управления железнодорожным транспортом осуществляет компания ОАО «Российские железные дороги». Будучи коммерческой организацией ОАО РЖД осуществляет предпринимательскую деятельность, которая определяется в соответствии со ст. 2 ГК РФ как «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке».

ОАО РЖД определяет в качестве главных целей деятельности общества обеспечение потребностей государства, юридических и физических лиц в железнодорожных перевозках, работах и услугах, оказываемых железнодорожным транспортом, а также извлечение прибыли.

По нашему мнению, вопрос соблюдения баланса между извлечением прибыли и обеспечением безопасности на транспорте является весьма актуальным.

На практике не должны возникать ситуации, при которых те или иные коммерческие организации, стремясь получить наибольшую выгоду, не уделяют должного внимания транспортной безопасности.

Полагаем, что на железнодорожном транспорте конкуренция прибыли и безопасности является недопустимой.

На заседании правительственной комиссии по транспорту и связи Сергей Иванов, пребывая на тот момент в должности вице-премьера, заявил, что «На транспорте безопасность всегда первична, а все остальное, включая прибыль, вторично».

Реформа железнодорожного транспорта в России началась в 2001 году и продолжается до сих пор. Существуют разные взгляды на перспективы дальнейшего регулирования этого вопроса. Реформирование указанной сферы также происходило во многих зарубежных странах, опыт которых может оказаться полезным для Российской Федерации, продемонстрировав достоинства и недостатки различных подходов государства к решению данной проблемы.

В процессе реформирования серьезным испытаниям подвергается безопасность на железнодорожном транспорте.

На сегодняшний момент РЖД является юридическим лицом, созданным в качестве открытого акционерного общества, уставной капитал составляет 1789,715588 млрд. рублей, который поделен на обыкновенные именные акции. В силу положения РЖД все акции находятся в собственности Российской Федерации. По своей сути РЖД является естественным монополистом, но в рамках деятельности государства в целом это скорее положительный аспект, нежели отрицательный.

Транспортный бизнес связан с извлечением прибыли, и, в свою очередь, также носит рисковый характер, проявляющийся в экономической, социогенной и технологической областях.

Экономические риски связаны непосредственно с неэффективными мерами управления, а также с существенными затратами на поддержание производственно-технической базы. Поддержание инфраструктурных объектов, модернизация подвижного состава составляют часть расходов бюджета компании. Вместе с этим ни один бюджет юридического лица, кроме РЖД, не рассматривается в рамках заседаний Правительства Российской Федерации. Это обусловлено еще одной статьей расходов компании — «проекты, связанные с выполнением поручений Правительства РФ», в 2016 году более половины бюджета ОАО «РЖД», а именно 211 576,3 млн. рублей, планируется реализовать в рамках данной статьи расходов.

Экономические риски выявляются также в рамках неправомерных действий сотрудников ОАО «РЖД», что отмечается сотрудниками правоохранительных органов. Такие риски связаны с непрозрачностью реализации инвестиций, а также вопросами, связанными с осуществлением закупочной деятельности. Данные

проблемы требуют комплексного подхода для успешного сочетания приемов и методов, способствующих оптимизации стратегии обеспечения безопасности в экономической деятельности. Помимо корпоративной безопасности, необходимо рассмотреть вопрос о создании новой социально-экономической среды с участием инициативных лиц, наделенных высоким уровнем правосознания, также это позволит обеспечить реализацию Национального плана противодействию коррупции, соблюдение положений Федерального закона «О противодействии коррупции» и УК РФ.

Помимо серьезных инвестиционных вложений в развитие транспортной инфраструктуры и обеспечение безопасности, необходимо осуществлять высокую регулярность транспортных перевозок, качественный подход в перевозке грузов в целях получения прибыли. ОАО «РЖД» проводит системную работу по созданию надежных транспортных путей «Восток-Запад» и «Север-Юг», максимально используя «Пространство 1520». Учитывая преимущества перевозки железнодорожным транспортом, такие как высокая скорость доставки грузов на дальние расстояния, независимость от метеоусловий, времени года и суток, а также выгодное географическое положение Российской Федерации, экономически целесообразно развитие данных направлений. Например, посылки из Китая в Европу при скорости морского транспорта примерно 12 узлов и с учетом особенностей погодных условий могут быть доставлены через 45 суток, в отличие от 14 дней посредством железнодорожного транспорта через территорию Российской Федерации. При организации перевозок в международном сообщении необходимо учитывать наличие соглашения между государствами и экономическую обоснованность. Данные соглашения позволяют не только стабилизировать экономическую ситуацию, но и реабилитировать политическую обстановку.

В рамках деятельности коридора «Север-Юг», ввиду снятия санкций с Ирана налажена международная перевозка, возросшая на четверть за первый квартал 2016 года. Перевозка именно железнодорожным транспортом по дороге Казахстан-Туркменистан-Иран весьма перспективна для увеличения транзита грузопотока и пассажиропотока, ввиду снижения времени перевозки, соответственно уменьшения расходов на перевозку и росту экономики регионов. В рамках экспорта в Иран Россия намерена поставлять говядину, курицу, пшеницу, кукурузу, растительные масла, сталь, лесоматериалы. На импорт Иран представляет фрукты, рыбную продукцию. Тем самым возрастает уровень взаимных поставок, позволяющих качественно подойти к вопросу об организации перевозок.

В организации плотного использования коридора «Восток-Запад» видится двойная перспектива, во-первых, ввиду самого короткого сухопутного пути между Европой и АТР, во-вторых, в связи с совпадением с транспортными объектами граничащих государств, а также инфраструктурными объектами водного

транспорта. Китай как центр мировой торговли посредством железнодорожного транспорта отправляет товар в Европу, а в обратном направлении получает необходимое техническое оборудование, сырье.

Таким образом, если обеспечить эффективную, постоянную, интенсивную обеспеченную грузом систему грузопотока, то это позволит снизить экономические риски компании, а также принести дополнительный доход.

В рамках деятельности транспортного бизнеса присутствуют техногенные риски. Это обуславливает принадлежность отрасли к источнику повышенной опасности. Риск велик ввиду сбоев в организации движения, вследствие аварий на промышленных объектах, транспортных объектах как железнодорожного, так и смежных видов транспорта (морского, автомобильного), временной приостановки работы ж/д транспорта из-за стихийных климатических действий в регионах с повышенной сейсмологической опасностью.

Социальные риски, такие как отсутствие трудовых ресурсов для реализации инфраструктурных объектов в регионах Сибири и на Дальнего Востока, низкая подготовленность сотрудников в целом, незаконные вмешательства в деятельность транспорта, также отражаются на развитии транспортного бизнеса и стабильном экономическом состоянии компании. Решения вопросов по данному направлению видится в привлечении профессионального состава в регионы с дефицитом трудовой силы посредством экономического поощрения, более качественной подготовке студентов транспортных университетов, включающей получение практических навыков, адаптированных для работы. Незаконные вмешательства в деятельность железнодорожного транспорта стремительно снижаются, ввиду установки дополнительного технического оборудования контроля железнодорожного полотна, а также ограничения доступа посторонних лиц к железнодорожным магистралям, повышения уровня контроля лиц при входе в инфраструктурные объекты (вокзалы, станции).

Таким образом, интеграция понятий транспортный бизнес таких категорий как, с одной стороны, бизнес-предпринимательская деятельность, направленная на систематическое извлечение, с другой стороны, обеспечения безопасности ввиду принадлежности к источникам повышенной опасности, должна обеспечиваться балансирующими средствами, не допускающими возможности преваляирования целей извлечения экономической выгоды над состоянием безопасности.

Section 6. Family law

*Prudnikova Larisa Borisovna,
Candidate of Legal Sciences, docent
of Volgodonsk Institute (branch) SFU,
E-mail: lori-bori@bk.ru*

*Moiseeva Elena Nikolaevna,
Senior police lieutenant, Deputy Head
of the Department of general legal
disciplines of VB FSPI HE RLI of MIA of Russia*

Administrative (special) order of protection of family rights

*Прудникова Лариса Борисовна,
к. ю.н, доцент Волгодонского института (филиала) ЮФУ,
E-mail: lori-bori@bk.ru*

*Моисеева Елена Николаевна,
старший лейтенант полиции, заместитель начальника кафедры
общеправовых дисциплин ВФ ФГКОУ ВО РЮИ МВД России*

Административный (специальный) порядок защиты семейных прав

Защита семейных прав, как наиболее тесно связанных с личностью человека, предполагает достаточно широкий спектр гарантированных государством форм и способов. Традиционный подход теории права обязывает указать в этом случае на юрисдикционную форму защиты, в рамках которой реализуется судебный, административный и смешанный порядок защиты, а также неюрисдикционную форму, предполагающую, прежде всего предоставленную законом возможность самозащиты.

Несмотря на то, что административный путь защиты не выполняет главенствующей роли в механизме защиты семейных прав, тем не менее, он занимает

в нем должное место. Значимость ему придает прямое указание закона как на единственно возможный в ряде случаев (например, расторжение брака при согласии обоих супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей). Кроме того, особые полномочия возложены на уполномоченных исполнителей в рамках этого механизма при защите участников семейных отношений, имеющих повышенный уровень государственных гарантий — несовершеннолетних, недееспособных, детей, оставшихся без попечения родителей. Однако следует обратить внимание на то, что решение, принятое в административном порядке может быть обжаловано в суд, что объясняется приоритетом судебной защиты.

Административный порядок защиты семейных прав реализуется при помощи таких средств как: *исковое заявление* (заявления по делам особого производства), подаваемое уполномоченным лицом в суд (например, с требованием признание брака недействительным, отменить усыновление и т. п.); *акт* (*решение, согласие, договор*), которое принимается самостоятельно уполномоченным лицом в рамках своей компетенции (например, дача органом опеки и попечительства согласия на установление отцовства по заявлению отца и т. п.); *заключение*, которое составляют уполномоченные лица, будучи привлеченными в обязательном порядке на основании закона к участию в судопроизводстве (например, заключение органа опеки и попечительства об обоснованности и о соответствии усыновления интересам усыновляемого ребенка (ст. 125 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (далее — СК РФ)¹).

Уполномоченными на реализацию административного порядка являются следующие органы и лица: органы опеки и попечительства, органы записи актов гражданского состояния, Уполномоченный по правам ребенка и омбудсмены в субъектах РФ, прокурор, судебный пристав-исполнитель, организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, администрации по месту работы лица, обязанного платить алименты. Полномочия перечисленных субъектов не пересекаются, взаимодополняют друг друга, и направлены на беспробельное регулирование защиты семейных в административном порядке. Кроме того, они уполномочены законодателем выступать в качестве инициаторов защиты семейных прав.

На органы записи актов гражданского состояния возложены такие полномочия в сфере защиты семейных прав, которые связаны непосредственно с регистрацией актов гражданского состояния в соответствии с Федеральным законом от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее — закон об АГС)²: рождения, заключения брака, расторжения брака, усыновления

¹ СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

² Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» СЗ РФ. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.

(удочерения), установления отцовства, перемены имени, смерти. Функция органов ЗАГС по защите семейных прав находит проявление в том, что они проверяют сведения в заявлении о регистрации того или иного акта гражданского состояния. Их действия или бездействие в виде отказа могут быть обжалованы в суд.

Наибольшим объемом полномочий, связанных с защитой семейных прав, возложен на органы опеки и попечительства. Правовое регулирование деятельности этих органов осуществляется не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов РФ, а, следовательно, возможности для защиты расширяются. В соответствии с законом¹ ими являются органы исполнительной власти субъекта РФ. Круг полномочий органов опеки и попечительства, связанных с административным порядком защиты семейных прав довольно широк, поэтому и формальная сторона их реализации может отличаться.

Во-первых, полномочия могут быть осуществлены путем принятия в рамках имеющейся компетенции самостоятельных решений в форме:

а) дачи согласий (например, на установление отцовства по заявлению только отца ребенка (ст. 48 СК РФ));

б) выдачи разрешений (например, на совершение сделок с имуществом подопечных (ст. 7 ФЗ об опеке и попечительстве));

в) разрешения разногласий (например, между опекуном ребенка и его несовершеннолетними родителями (ст. 62 СК РФ));

г) возложения обязанностей на лиц под угрозой обращения в суд с соответствующим требованием (например, обязать родителей (одного из них) не препятствовать общению ребенка с близкими родственниками (ст. 67 СК РФ));

д) заключения договоров (например, с приемными родителями о передаче ребенка в приемную семью²));

е) назначения представителя для защиты прав и интересов ребенка в отношении со всеми третьими лицами;

ж) установления опеки попечительства путем вынесения акта о назначении опекуна или попечителя (ст. 11 ФЗ об опеке и попечительстве).

Во-вторых, полномочия органов опеки и попечительства могут быть реализованы посредством возбуждения гражданского дела в суде:

а) подачей искового заявления (например, о признании брака недействительным; о признании соглашения об уплате алиментов недействительным и т. п.);

б) подачей заявлений о возбуждении особого производства в суде общей юрисдикции;

¹ Российская газета. – 2008. – № 94 (апрель).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2009г. – № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» // СЗ РФ. – 2009. – № 21. – Ст. 2572.

В-третьих, формой реализации полномочий органов опеки и попечительства выступает их участие в судопроизводстве при рассмотрении некоторых категорий дел с целью дачи заключения по делу: а) об усыновлении (ст. 273 ГПК РФ) и об отмене усыновления (ст. 140 СК РФ); б) об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (ст. 288 ГПК РФ); в) о признании недействительным брака, заключенного с лицом, не достигшим брачного возраста, а также с лицом, признанным судом недееспособным (ст. 28 СК РФ); г) о порядке осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения в случае спора родителей об общении с ребенком родителя, проживающего отдельно от него (ст. 66 СК РФ); д) о лишении родительских прав (ст. 70 СК РФ) и восстановлении в родительских правах (ст. 72 СК РФ); е) об ограничении родительских прав (ст. 73 СК РФ) и отмене ограничения родительских прав;

К органам, наделенным определенным комплексом полномочий, связанных с защитой семейных прав, относится также и консульское учреждение, должностное лицо которого на основе Федерального закона от 05.07.2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» (далее — Консульский устав)¹ уполномочены на такие действия в сфере защиты семейных прав как: а) информирует федеральный орган исполнительной власти о нарушении прав и законных интересов несовершеннолетних граждан РФ, усыновленных (удочеренных) гражданами РФ, постоянно проживающими на территории консульского округа, иностранными гражданами или лицами без гражданства, о неблагополучии в семье усыновителей (ст. 19); б) производит государственную регистрацию расторжения брака, установления отцовства (ст. 25).

Необходимо к числу лиц, уполномоченных в сфере защиты семейных прав, отнести Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации, комплекс правомочий которого для надлежащего исполнения возложенной на него обязанности обеспечить защиту прав и интересов детей закреплен Президентом РФ². Основные средства реализации полномочий данного должностного лица включают в себя: запросы, проверки, заключения с рекомендациями.

К процессу защиты семейных прав привлекаются и иные органы и организации. Например, должностные лица организаций (дошкольных образовательных организаций, общеобразовательных организаций, медицинских организаций и других организаций) и граждане, на которых возложена обязанность по сообщению сведений о детях, оставшихся без попечения родителей, органам опеки и попечительства. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в отличие

¹ СЗ РФ. – 2010. – № 28. – Ст. 3554.

² Указ Президента Российской Федерации от 01.09.2009г. – № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка»//СЗ РФ. – 2009. – № 36. – Ст. 4312.

от организаций и должностных лиц на граждан не возлагается ответственность за неисполнение этой обязанности, что можно считать пробелом в правовом регулировании этих отношений.

К субъектам, уполномоченным в сфере защиты семейных прав, закон также относит администрацию организации по месту работы лица, обязанного уплачивать алименты, которая уполномочена ежемесячно удерживать алименты и уплачивать их получателю (ст. 109 СК РФ), а также сообщить судебному исполнителю об увольнении или новом месте работы плательщика алиментов под угрозой привлечения к административной ответственности¹ за непредставление сведения (информации).

В числе уполномоченных на защиту семейных прав также и Органы внутренних дел, которые имеют следующие полномочия:

- а) участие в принудительном отобрании ребенка (ст. 79 СК РФ);
- б) розыск лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов.

Служба судебных приставов на основании норм соответствующего законодательства² наделена таким полномочием в сфере защиты семейных прав как розыск ребенка по исполнительному документу, содержащему требование об отобрании или о передаче ребенка, порядке общения с ребенком, требование о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации, и осуществляет такой розыск в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, изучение административного порядка защиты семейных прав позволило сделать следующие выводы:

1. принимая во внимание, что реализация административного порядка защиты семейных прав возможна только в случаях, прямо предусмотренных законом, следует охарактеризовать его как специальный, а в ряде случаев исключительный (единственно возможный) порядок этой защиты;

2. по сравнению с приоритетным характером судебной защиты, административный порядок, хотя и не выполняет главенствующей роли в общем механизме защиты семейных прав, тем не менее, является его неотъемлемым элементом, в связи с чем должен корреспондировать положению о гарантированности судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, что может потребовать

¹ Ст. 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001г. № 195-ФЗ//СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

² Ст. 12 Федерального закона «О судебных приставах» от 21.07.1997г. № 118-ФЗ//СЗ РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.; ст. 64 Федерального закона от 02.10.2007г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»//СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

внесения в п. 1 ст. 8 СК РФ нормы о том, что решение, действие (бездействие) органа опеки и попечительства может быть обжаловано в суд;

3. средства реализации административного порядка условно можно разделить на: а) основные: исковое заявление (заявления по делам особого производства), которым возбуждается соответствующий вид судопроизводства (исковое, например, с требованием признать брак недействительным; особое, например об усыновлении); акт (решение, согласие, договор), принимаемые самостоятельно уполномоченным лицом в рамках своей компетенции (например, согласие на установление отцовства по заявлению отца, акт о назначении опекуна или попечителя, договор о передаче ребенка в приемную семью); заключение (например, о соответствии усыновления интересам ребенка); б) дополнительные (запросы, проведение проверок, заключения с рекомендациями).

4. с учетом характера и значения компетенции органа или должностного лица для полноценной реализации всего механизма защиты семейных прав указанные органы уполномоченные субъекты могут быть разделены на две группы: а) основные (на которые возложены основные полномочия по самостоятельному, непосредственному и комплексному правовому воздействию на участников семейных отношений с целью защиты их семейных прав — суд, органы опеки и попечительства, органы исполнительной власти РФ и субъектов РФ, консульские учреждения); б) вспомогательные (которые на основе решений и актов основных уполномоченных органов и лиц оказывают им содействие в их исполнении — органы внутренних дел, служба судебных приставов, администрация организации по месту работы плательщика алиментов).

Список литературы:

1. Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 г. – № 223-ФЗ//СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ//СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах»//СЗ РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.
4. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее – закон об АГС)//СЗ РФ. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.
5. Федеральный закон от 02.10.2007 г. – № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»//СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
6. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»//Российская газета. – 2008. – № 94 (апрель).
7. Федеральный закон от 05.07.2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» (далее – Консульский устав)//СЗ РФ. – 2010. – № 28. – Ст. 3554.

8. Указ Президента Российской Федерации от 01.09.2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка»//СЗ РФ. – 2009. – № 36. – Ст. 4312.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2009 г. № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан»//СЗ РФ. – 2009. – № 21. – Ст. 2572.

Section 7. History of studies of law and state

*Balykina-Halanets Liudmyla Igorivna,
“KROK” University,
Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
E-mail: ludmila.krok@gmail.com*

Development of Ukrainian Parliamentarism or How Euromaidan Affected Democracy in Ukraine

*Баликіна-Галанець Людмила Ігорівна,
Університет економіки та права «КРОК»,
доцент кафедри державно-правових дисциплін
E-mail: ludmila.krok@gmail.com*

Розвиток українського парламентаризму чи як Євромайдан вплинув на демократію в Україні

Розвиток парламентаризму в Україні зумовлений історично, це дає можливість зазначати певні традиції його розвитку, а саме утвердження демократичних інститутів в нашій державі, еволюція системи розподілу влади та про наявність представництва громадян в органах влади. Парламентаризм на теренах нашої країни суттєво видозмінився у процесі свого становлення, набувши якісно нових функцій та нових властивостей. Шлях, пройдений молодого незалежною країною, незважаючи на суттєві перешкоди, безумовно свідчить про позитивний напрям розвитку парламентаризму. «До парламентаризму як форми державного правління прийдуть держави, які рухаються по демократичному шляху розвитку»¹.

В Україні сьогодні розвиток парламентаризму прямо залежить від розвитку демократії в країні. Необхідним атрибутом правової та демократичної держави є парламентаризм і парламент: активна роль парламенту у здійсненні

¹ Сурай І.Г., Гончар В.В. Сутнісні ознаки сучасного парламентаризму//Актуальні проблеми державногоуправління : зб. наук. пр./Нац. акад. держ. упр. при Президентові України, Харків. регіон. ін-т держ. упр.; редкол.: Л. О. Белова (голов. ред.) [та ін.]. – Харків: Магістр. – № 1(49)/–2016. – С. 1–5.

державної влади та показник розвитку громадянського суспільства. У сучасних умовах важливим є чітке розмежування влади в молодій незалежній країні, їх функції, контроль та відповідальність за результати своєї роботи.

Сьогодні багато науковців досліджують проблеми парламентаризму, та на думку автора, у зв'язку з тим, що в нашій країні знову змінилась форма правління на парламентсько-президентську та тривають суттєві трансформації в політичній системі після Євромайдану, дослідження цієї проблематики є актуальним. Для ефективнішого розвитку парламентаризму в Україні, необхідно ще ряд інститутів запровадити, а певні вдосконалити на основі європейських стандартів. В сучасних умовах не реалізується повною мірою народний суверенітет через представництво громадян в парламенті (є необхідність в інституті парламентської опозиції), та інститут громадянського суспільства, який залишається неефективним і кволім. На думку автора, на сьогоднішньому етапі розвитку країни, саме становлення наведених вище інститутів має бути пріоритетним для демократичної держави.

Можливості опозиційної діяльності в Україні, її розширення пов'язані з Євромайданом. У Верховній Раді України був зареєстрований проект закону «Про парламентську опозицію» від 19 березня 2014 року. У зазначеному проекті парламентська опозиція визначається як «добровільне депутатське об'єднання депутатських фракцій (депутатської фракції) у Верховній Раді України та (або) народних депутатів України, що не увійшли до парламентської більшості, подали заяви про перехід в опозицію і які не погоджуються з офіційним політичним курсом парламентської більшості і Кабінету Міністрів України та (або) способом його реалізації, здійснюють контроль за діяльністю парламентської більшості і Кабінету Міністрів України, критикують їх діяльність і пропонують альтернативну програму розвитку України та шляхи її реалізації»¹. На думку автора, прийняття цього закону, у якому чітко регламентувалося б значення та місце опозиції, є необхідним. Закон України «Про парламентську опозицію» був ухвалений у першому читанні, прийняття якого має важливе значення для досягнення «балансу гілок влади», спрямовування опозицією зусиль на контроль за владою. На сьогоднішній день відсутність правової регламентації парламентської опозиції зумовлює використання цього інституту певними політичними силами з різною метою і не завжди для підтримання суверенітету, територіальної цілісності та конституційного ладу. У ст. 3 п. 4 зазначеного проекту закріплено, що «не допускається опозиційна діяльність, яка має на меті ліквідацію незалежності України, зміну конституційного ладу насильницьким шляхом, порушення суверенітету і територіальної цілісності держави, підрив її безпеки, незаконне захоплення державної влади, пропаганду

¹ Проект Закону про парламентську опозицію//Верховна Рада України: офіційний веб-портал [Електронне джерело]. – Режим доступу: URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_2?pf3516=4494&skl=8

війни, насильства, на розпалювання міжетнічної, расової, релігійної ворожнечі, посягання на права і свободи людини, здоров'я населення, а також на створення воєнізованих формувань»¹. Отже, за умов прийняття закону опозиція була б джерелом альтернативних поглядів, але не працювала б на «руйнацію держави, територіальної цілісності та економіки»².

У цьому контексті також важливим було б закріплення на нормативному рівні положення про громадянське суспільство. Серйозні напрацювання українськими вченими вже здійснені. Цьому сприяє політичний розвиток країни після Євромайдану. Зазначені події свідчать, що за умов коли держава «готова чітко сформулювати основні суспільні проблеми та способи їх вирішення, а громадянське суспільство здатне оцінювати дії публічної влади»³, можливе співробітництво цих двох інститутів.

У пострадянських державах становлення і розвиток інститутів парламентаризму та громадянського суспільства відбувалося майже з нуля. Після проголошення незалежності зокрема в Україні у Конституції були закріплені демократичні принципи побудови правової держави, однак їх втілення досі не завершене. Основними завданнями держави є законодавчий захист розвитку громадянського суспільства, забезпечення свободи слова, вільного вираження своїх позицій, обстоювання своїх прав і свобод, формування політичної та правової культури народу⁴, проведення всебічної реформи політичної системи.

Трансформаційні соціальні зміни на сьогодні є досить специфічним класом, що відбуваються в умовах кризи в Україні, пов'язаної із зовнішньою агресією. Вони повинні бути системними і охоплювати всі сфери суспільства, його соціальні структури та інститути. Проблема ускладнюється тим, що на існуючу пострадянську систему, яка втрачає сталість, наклали нові чинники, викликані та загострені останнім періодом розвитку України перед Євромайданом та після нього. Ідеться як про внутрішні причини, так і про зовнішні зміни, тиск, сума яких у певний момент перевищує можливий для неї максимум напруження.

¹ Проект Закону про парламентську опозицію//Верховна Рада України: офіційний веб-портал портал [Електронне джерело]. – Режим доступу: URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_2?pf3516=4494&skl=8

² Рада «узаконює» опозицію, забороняючи їй розколювати країну//Українська правда. – 10 квітня 2014 р. [Електронне джерело]. – Режим доступу: URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2014/04/10/7021977/?attempt=1>.

³ Волинець В. В. Легітимність влади як фактор політичної стабільності суспільства: автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.02/Волинець Віталій Валентинович ; Одеська національна юридична академія. – О., – 2008. – 19 с.

⁴ Макаренко Л. О. Верховенство права як принцип природного права/Л. О. Макаренко//Альманах права. – 2012. – Вип. 3. – С. 222–229.

Таким чином, після Євромайдану складна політична, соціально-економічна криза, зовнішня агресія вимагають рішучих дій від влади. В Україні відбувається не просто модернізація, а корінний перелом суспільних, державних і економічних засад її подальшого розвитку, якому повинна відповідати науково-обґрунтована і виважена державна політика. У цьому процесі важливу роль відіграють парламент, як представницький орган та безпосередньо народ України. Тому забезпечення повного представництва громадян у парламенті, шляхом прийняття закону про опозицію та закріплення на нормативному рівні положення про громадянське суспільство є важливою умовою розвитку демократії в Україні.

*Mazurenko Andrey Petrovich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History of State
and Law Faculty of Law North-Caucasian Federal University, Russia
Kolesnik Sergey Aleksandrovich,
graduate student of North-Caucasus Federal University, Russia
E-mail: decanpetrovich@mail.ru*

Lawmaking policy in legal education

*Мазуренко Андрей Петрович,
д. ю. н., доцент, заведующий кафедрой теории
и истории государства и права юридического факультета
Северо-Кавказского федерального университета, Россия
Колесник Сергей Александрович,
аспирант Северо-Кавказского федерального университета, Россия
E-mail: decanpetrovich@mail.ru*

Правотворческая политика в системе юридического образования

Аннотация: Статья посвящена анализу места правотворческой политики в системе современного юридического образования. Анализируются точки зрения различных авторов, касающиеся содержания указанного феномена. Делается вывод о том, что правотворческая политика как наука представляет собой отрасль знаний о методологии и принципах эффективной правотворческой деятельности. В свою очередь, предметом правотворческой политики как учебного

курса является изучение системы знаний о приемах, методах, способах, правилах и принципах концептуализации и разработки проектов законов и подзаконных актов, их принятия и модернизации.

Ключевые слова: юридическое образование, правотворческая политика, наука, учебная дисциплина, системность, модернизация, национальная система права, концептуализация.

Характерной чертой развития российского общества в постсоветский период стали масштабные преобразования во всех его сферах, вызвавшие появление новых тенденций, политико-правовых явлений и процессов, вследствие чего юридическая наука проявила заметный интерес к их исследованию. В частности, в эти годы, началась интенсивная разработка проблем правовой политики как нового и сложного по своей природе и структуре политико-правового феномена.

Обратим внимание, что именно в данный период пришло осознание того, что правовая политика, при всем многообразии характеристик и определений, понимается и воспринимается в обществе, прежде всего, как политика правотворческая. Несмотря на то, что ее базовую основу составляет политика правовая, исследуемое явление имеет свою самостоятельность и даже суверенность. Определяющим аргументом такого статуса правотворческой политики служит то, что, во-первых, она формируется и реализуется в наиболее важной юридической сфере — правовой, устанавливая при этом ее нормативно-концептуальные основы. Во-вторых, такая политика оказывает мощное воздействие на неюридические сферы общества (экономическую, социальную и др.), где с помощью присущих ей средств и методов, способствует решению важнейших государственных задач.

Как известно, сформулированные в Конституции страны принципы, предоставили широкое поле для правотворческой деятельности, как на федеральном, так на региональном и муниципальном уровнях. Это породило весьма многообразную и противоречивую практику правотворческого процесса в центре и на местах, что свидетельствует об отсутствии скоординированной политики государства на столь важном направлении его правового развития. Такое состояние дел диктует необходимость изучения особенностей, выявления сущности и разработки основных направлений правотворческой политики в Российской Федерации.

Сказанное подтверждает, что правотворческая политика является одним из новых, перспективных направлений исследований общетеоретических вопросов правоведения. На наш взгляд, базовой (сущностной) основой формирования правотворческой политики является политика правовая. Похожей точки зрения придерживается и С. В. Поленина: «Такое положение не случайно, поскольку,

будучи закрепленной в преамбулах, определениях и статьях законов и иных нормативных правовых актов, правовая политика приобретает наиболее ясную и доступную для широкого обозрения и ознакомления населением форму»¹.

У данной точки зрения, касающиеся места и роли правотворческой политики в российской правовой действительности, есть оппоненты. Так, О. Ю. Рыбаков считает, что абсолютизировать, выделять ее в качестве самой главной формы реализации правовой политики вряд ли обоснованно. По его мнению, любые, самые правильные, справедливые, выверенные решения в области правотворчества останутся нереализованными в полной мере, если не будут подкреплены сильной политикой в области правоприменения².

Думается, что с этим мнением трудно согласиться, поскольку правоприменительная практика в данном случае есть результат правотворческой политики, разработка концепции которой имеет важное теоретическое и практическое значение. Правотворческая политика призвана создавать условия для эффективной правотворческой (в т. ч. законотворческой) деятельности, участвовать в определении ее стратегических целей и решении тактических задач.

Характеризуя специфику правотворческой политики, обратим внимание на то, что она отличается сложностью и многообразием структуры. Среди видов правотворческой политики можно выделить законотворческую и подзаконную (нормотворческую) политику, текущую и перспективную, позитивную и негативную правотворческую политику. Речь также может идти об отраслевой правотворческой политике и о правотворческой политике применительно к различным сферам деятельности либо в отношении тех или иных категорий граждан. Важным основанием классификации правотворческой политики является видовое деление в соответствии с уровнями ее организации, где можно выделить федеральную, региональную и муниципальную правотворческую политику. В зависимости от субъектного состава она может быть подразделена на правотворческую политику органов государства, санкционированную (делегированную) и правотворческую политику, осуществляемую с непосредственным участием населения.

Как видим, система субъектов правотворческой политики включает большой круг участников. Однако их перечень можно считать открытым, поскольку в новых российских условиях, влияя на формирование данной политики, участвовать в ее реализации могут и иные субъекты, помимо перечисленных выше.

Исходные принципы правотворческой политики, общие перспективы, основные направления и стратегия развития законодательства в концептуальном

¹ Поленина С. В. Правотворческая политика // Российская правовая политика: курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М., – 2003. – С. 181.

² Рыбаков О. Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 2. – С. 9.

виде закреплены в Конституции РФ. Вместе с тем, помимо конституционных, правотворческая политика, на наш взгляд, должна базироваться на таких специфических принципах, как научная обоснованность, системность, предсказуемость и планомерность. Казалось бы, эти принципы совпадают с основными принципами правотворчества. Однако по отношению к правотворческой политике, они имеют свою направленность, поскольку предвосхищают и опосредуют деятельность по непосредственному формированию новых норм права. Специфика этих принципов для правотворческой политики заключается также в том, что здесь они применяются комплексно, в объективном единстве, без чего невозможно обеспечить эффективность их воздействия. Для нее они особо значимы именно потому, что взаимосвязаны и взаимообусловлены. Только применяемые вместе, данные принципы дают эффект, обеспечивают принятие целесообразных, легитимных, научно обоснованных законов и иных правовых актов. Отступление от них ведет к произвольным и ошибочным решениям, излишним затратам труда, времени, энергии правотворцев, снижению эффективности правового регулирования¹.

Из сказанного вытекает, что четкая, целостная и последовательная правотворческая политика есть необходимая предпосылка эффективности законодательной и иной правотворческой деятельности, основной целью которой должно быть решение социальных, экономических, политических и иных задач на различных уровнях правового регулирования. Для того, чтобы указанная цель могла претворяться в жизнь, нужно, чтобы не только правотворческая деятельность, но и положенная в ее основу правотворческая политика формировались путем выявления существенных потребностей в правовой регламентации определенных областей общественных отношений в интересах населения всей страны, входящих в Федерацию субъектов и муниципальных образований, а также при условии органичного, непротиворечивого вхождения данного закона или иного правового акта в систему законодательства².

Как верно отмечается в литературе, правотворчество включает в себя ряд ступеней, этапов, звеньев и протекает под воздействием множества факторов социальной действительности, которые в своей совокупности и диалектическом сочетании определяют сущность той или иной правовой нормы, ее содержание и форму, ее положение в системе, отрасли и институте права, ее назначение и роль в жизни общества³. Думается, что правотворческую политику, безусловно, следует считать одним из таких определяющих факторов.

¹ Правотворческая политика в современной России: курс лекций/под ред. А. В. Малько. – М., – 2016. – С. 6, 42.

² Поленина С. В. Правотворческая политика//Российская правовая политика: курс лекций/Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – С. 182.

³ Керимов Д. А. Философские проблемы права. – М., – 1972. – С. 90, 178–189.

Предпринятый краткий анализ показывает, что правотворческая политика явление сложное и неоднозначное. Основанная на правотворческой деятельности, она направлена на упорядочение этой деятельности и всестороннее совершенствование системы права. Залогом ее эффективности является то, что она использует в данном процессе инструменты правовой политики, составной частью, основным видом которой является. В то же время самостоятельность правотворческой политики подтверждается наличием отличительных признаков, позволяющих отграничить ее от других видов правовой политики. К числу таких признаков можно отнести следующие:

1) выступает как единый политико-правовой фактор правотворческой деятельности, основывается на ней и непосредственно воздействует на процессы создания и совершенствования системы права;

2) характеризуется многосубъектностью: в ее формировании и осуществлении принимают участие депутаты и работники аппаратов представительных органов власти, все без исключения субъекты права законодательной инициативы, представители научных организаций, различные институты гражданского общества, граждане РФ и т. д.;

3) отличается многоуровневостью: осуществляется на различных ступенях (уровнях) государственной и общественной организации (федеральном, региональном, муниципальном);

4) базируется на требовании обязательного использования научного потенциала в ходе законоподготовительных работ и процессе принятия правотворческих решений;

5) использует инструменты прогнозирования и планирования, основывающиеся на проведении социологических исследований, мониторинге действующего законодательства и правоприменительной практики, сравнительно-правовых исследованиях, правовом моделировании и др. научно обоснованных методах;

6) носит системный характер, заключающийся в стремлении к созданию взаимосогласованного, беспробельного и целостного законодательства;

7) является одновременно стратегией и тактикой в сфере правотворчества.

Таким образом, под правотворческой политикой следует понимать особое явление политико-правовой действительности, выражающееся в научно обоснованной, планомерной и системной деятельности государственных органов и негосударственных структур, направленной на определение стратегии и тактики правотворчества, осуществляемой на различных уровнях правового регулирования в целях обеспечения необходимых условий для создания непротиворечивой и целостной системы права.

Предложенное определение отражает идеальную модель рассматриваемого феномена и потому не позволяет забывать о многочисленных проблемах

правотворческой политики, которые возникают в процессе ее формирования и реализации, что, в свою очередь, требует соответствующих усилий со стороны научного сообщества по их дальнейшей теоретической разработке.

На сегодняшний день, правотворческая политика, к сожалению, относится к числу наименее разработанных правовых наук. Фактически речь идет о принципиально новой системе юридических знаний, имеющей специфичные предмет, метод и функциональное назначение. Однако, несмотря на слабую разработку, необходимость специального научного обоснования правотворческой политики и факт существования особой юридической науки «правотворческая политика» практически никем не оспаривается.

Правотворческая политика — особая наука, находящаяся на стыке теории государства и права и политологии. Она тесно связана как с отраслевой юридической наукой, так и с общетеоретической, но, тем не менее, сохраняет свою самостоятельность. Целью этой науки является применение на практике в ходе правотворческой деятельности достижений теории государства и права, воплощение в жизнь основных ее идей и принципов, подведение идеологической и научной основы под правотворческий процесс.

Правотворческая политика как наука представляет собой отрасль знаний о методологии и принципах эффективной правотворческой деятельности. Предмет правотворческой политики можно в общем виде определить как научную основу, то есть систему принципов, форм и методов, используемых в ходе планирования и принятия нормативных правовых актов, в целях формирования единой национальной системы права, модернизации и совершенствования ее элементов.

Наука правотворческой политики изучает особую сферу человеческой жизнедеятельности, связанной доктринальным обоснованием внешнего выражения и формального закрепления в системе нормативных правовых актов объективно существующих норм права. Главным объектом правотворческой политики как науки, главным источником знаний, основной практической базой (как для проведения исследований, так и для проверки полученных результатов) является правотворческая деятельность.

Правотворческая политика как наука включает в себя следующие основные институты:

- основные принципы правовой политики в сфере правотворчества;
- основные методы познания необходимости и определения способа правового регулирования;
- основные факторы, влияющие на формирование национальной системы права;
- основные приемы и способы модернизации и систематизации нормативно-правового материала;

- основные правила анализа результатов правотворчества.

Возникновение правотворческой политики как науки вызвано практической необходимостью научного обоснования правотворческой деятельности. Эта необходимость обуславливает роль и место этой правовой науки в системе других юридических наук и ее функциональное назначение.

В свою очередь, предметом правотворческой политики как учебного курса является изучение системы знаний о приемах, методах, способах, правилах и принципах концептуализации и разработки проектов законов и подзаконных актов, их принятия и модернизации. В ходе изучения этого учебного курса будущим юристам надлежит получить ясные представления о существующих формах и методах правотворческой политики, о ее теоретических основах и способах их воплощения в жизнь¹. В современной системе юридических знаний правотворческая политика призвана занять весьма важное место, характеризуя концептуальные основы, сущность и функциональное назначение национальной системы права, как механизма регулирования общественных отношений. Изучая правотворческую политику, будущий юрист получает возможность познать механизм создания концепции отдельного нормативно-правового акта и системы законодательства в целом, вопросы внесения изменений в механизм нормативно-правового регулирования общественных отношений. Все это помогает уяснить генезис правотворчества, его органическую связь с объективной социальной действительностью, роль и место в жизни общества.

¹ Чухвичев Д. В. Законодательная техника. – М., – 2008. – С. 9–10, 24–25.

Section 8.

Criminal law and criminology

*Vodneva Maria Alexandrovna,
Higher School of Economics,
postgraduate student,
the Faculty of Law
E-mail: maria.vodneva83@gmail.com*

Criminal liability for terrorist act and act of international terrorism

The issue under current study belongs to the general domain of criminal law, as well as public, state and global security. The relevance of the investigation is determined by ever-increasing threat of national and global terrorism and inefficiency of applied techniques to resist it.

The research issue assumes comprehensive research, including historical and legal aspects of terrorism, the establishment of antiterrorist legislation, detailed criminal-legal and criminological analysis of offences.

The previously mentioned issues, including without limitation the development of an efficient criminal law measures of counterterrorism policy combined with the rights and freedoms of citizens, should be reflected in the dissertation research that I am currently working on.

The present article focuses on the main theoretical aspects of criminal liability for terrorist offenses. It can be considered as a brief overview of the relevance, research questions and novelty of the study.

I consider definition and distinguishing between terrorist act and act of international terrorism to be an essential starting point. A number of general theoretical and legal aspects of terror, terrorism, terrorist activities, terrorist act and act of international terrorism are intended to cover, as well as the development of legislation establishing criminal liability for these wrongful acts. Attention is paid to attitudes of scientists, legislative establishment, law enforcement authorities in dependence of various historical stages and the circumstances of reality.

The lack of a clear definition of terrorism becomes an important obstacle in the elaboration of international terrorist legislation. Not having a solid definition of terrorism impossible to reach agreement when formulating anti-terrorism legislation¹.

In the current paper the term «terrorism» in a legal context, both on the domestic and international levels, became a topic of theoretical concentration.

In the second place, I'll make a point about criminal-legal analysis of the rules, establishing criminal liability for terrorist activity. Terrorist act and act of international terrorism are examined in two directions: as an option of political violence requiring a more strict criminal responsibility and as a common crime politically motivated. The study highlights the presence in offender's actions of particular intent to influence the decisions of the state authorities, local self-government bodies and international organizations as a statutory requirement for prosecution. The lack of this feature excludes liability for terrorist act. This fact must be taken into account when qualifying offender's actions.

Next, I look at the rationale for the criminal rule establishing liability for the act of international terrorism by reference to the definition contained in international law acts. One should note that for the purposes of criminal prosecution the majority of states does not share terrorism at the international and state. The criminalization of act of international terrorism definitely has social and legal factors, it is aimed at ensuring favorable conditions for the Russian Federation as for a subject of international law.

But the current interpretation of international terrorism is imperfect, it doesn't reflect the essence of crime, doesn't conform to the accepted international practice, therefore requires further research and supplement.

Besides, it seems appropriate to set a balance between Sharia and contemporary Russian law. To substantiate this insight I have focused on the philosophical, historical and ethno-religious aspects of terrorism.

Scientists have already expressed the idea that the representatives of the government, law enforcement, religious organizations and public associations should know not only the current legislation but Sharia law and adat. Some of their principles, aren't contradicting the Constitution of the Russian Federation, can be considered as a potential material for introduction into the system of law with the goal of improving².

The present research is an attempt at studying a pool of relevant issues which are not currently covered.

First, reconstruction and development of anti-terrorist legislation according to internal and external conditions of the society are stressed. The study centers round

¹ Nazirov D. The problem of terrorism, religious extremism and ways to overcome them. (PhD Thesis). Dushanbe, – 2009. – P. 16–18.

² Agakerimova Ch. A. Interaction in Dagestan, adat, Sharia and the laws of the Russian Empire: historical and legal aspect. (PhD Thesis). Krasnodar, – 2008. – P 18.

formation of modern understanding of terrorist act and act of international terrorism, based predominantly on terology, social philosophy and international law acts.

Next, the research brings to identification of general determinants causing terrorist activities at national and global levels; explores the criminological characteristics of terrorists; concentrates on the key destroying factors; proposes measures improving the antiterrorist legislation.

Special attention is paid to the interrelation between the concepts «terrorism-corruption», «terrorism — religious extremism» to establish trends of their interdependence and interaction.

Finally, attention is paid to elaboration of optimal forms of correlation between Sharia and official current legislation as the guiding principle of the anti-terrorist policy.

In order to achieve effective research results, the study is based on a combination of the various methods, including the general scientific, historical, legal, normative, formal, as well as comparative and qualitative analyses.

The utilizing of the general scientific method helps to trace interrelation between the general, particular and the singular, necessary and accidental, cause and effect. This method is the basis for the criminological characteristics of crimes, origin and classification of their causes, elaboration of preventive actions, study of offender's personality and his motivational sphere.

The historical method explains the crime as a unique system, functioning in different historical conditions, shows its changes at different stages of social evolution.

The legal method is to study criminal cases considered by the courts, personal data files of the prisoners, background information and any other acts containing on criminal-legal and criminological information.

The normative method is to check the content of the document from the standpoint of compliance with applicable regulations; allows to identify illegal content documents.

The theoretical foundation consists of the academic papers belonging to domains of criminal law, criminology, victimology, social philosophy, psychology, history of political doctrine.

The empirical framework of research includes criminal justice statistics, the results of criminal casework, publications, speeches of politicians and law enforcement officers in the media.

Criminal statistics is an essential tool for the study of crime in its quantitative and qualitative characteristics, including the following ones: date and number of committed terrorist offences, their structure and dynamics, information about the identity of the offender, the prevalence of crime in certain administrative-territorial units. Statistics provides conditions for a more detailed analysis of the causes of crime, the choice of effective ways and means of dealing with it.

The materials of operative activities, criminal cases about crimes of a terrorist nature considered by the courts, dismissed cases are the most valuable source of relevant information.

In publications and monographs, particularly foreign ones, program documents and instructions of the terrorist organizations can be detected, as well as the leaders' harangues, terrorists' interviews.

Public reports of politicians and law enforcement officials are of particular interest to clarify the importance of the problem at the state level. The acquired information generates research questions for immediate resolution according the views of legal practitioners.

To sum up, acquired knowledge should be utilized for understanding of the contemporary determinants of terrorism and elaborating of effective anti-terrorist techniques.

The main emphasis is laid on comparative analysis of counter-terrorist regulations of the States — participants of the CIS from a legal liability standpoint in order to formulate the optimal anti-terror statutory provisions. The solving of problem related to legal treatment is an essential requirement for ensuring of law observance.

Next, the general scientific and normative approaches allow to identify general trends in the emergence and evolution of international terrorist activities in different socio-economic conditions.

The positive experience of foreign states, with the Islamic legal culture above all, is intended to provide background for counteraction activities by combining the capabilities of law-enforcement bodies, religious organizations, communities, and civil society.

Finally, the study is aimed at framing a system of specifically knowledge about terrorism and counter-terrorism based on religious, political, philosophical, ideological motivation.

In the rest of my presentation I'll outline briefly assumed prospects and delimitations.

The choice of research issue caused by it's relevancy both in academy and on the state level. In currant study the role of Sharia and Islamic legal consciousness in legal development of Russia are touched. Among the reasons are the up-going process of renaissance of Islam, social and political activity of Muslim communities outside the regions where Islam is traditionally spread, the existing threat of Islamic extremism, increasing influence of Sharia upon political and legal development of the Muslim world.

Russia can't be isolated from the reality, therefore the above-stated processes become a starting point for originating of new academic views. The present study covers in details the idea seemed to be unsolvable withing a long historical time scale. It focuses on the compatibility of Sharia and current legislation; examines several

patterns of possible correlation between above-stated legal systems. The central idea is that Sharia provisions can be used for solving issues which are provided for by dispositive norms of state legislation¹.

I dare to hope that current project, first, brings about improvement in present vision of counter-terrorism and can be put into practice for creation of an interstate anti-terror ideology protection system.

*Gerasimova Elena Viktorovna,
lecturer The Volgodonsk branch of the Rostov legal Institute
of the Ministry of internal Affairs of Russia
E-mail: lenysek-gera@mail.ru*

Criminal liability for deliberate bankruptcy

*Герасимова Елена Викторовна,
преподаватель Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России
E-mail: lenysek-gera@mail.ru*

Уголовно-правовая ответственность за преднамеренное банкротство

Основная цель института банкротства — это удовлетворение требований кредиторов должником, не исполняющим свои обязательства, и привлечение к ответственности (административной и уголовной) лиц, виновных в доведении юридического лица до банкротства, а также умышленно допустивших неправомерные действия при банкротстве.

Вместе с тем на сегодняшний день процесс банкротства в России во многом остается полукриминальным.

Криминальное банкротство — это собирательный термин, включающий в себя три различных преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. ст. 195, 196, 197 УК РФ. В частности, речь идет о неправомерных действиях при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренном банкротстве (ст. 196 УК РФ), фиктивном банкротстве (ст. 197 УК РФ). Следует разграничивать

¹ Syukiyaynen L. Is Islamic Shariat Compatible with Contemporary Russian Law? – Moscow, – 2014. – P 25.

данные составы преступлений, при этом придание той или иной квалификации зависит от содержания действий должника.

Понятие и признаки банкротства

Любое юридическое лицо, за исключением казенного предприятия, учреждения, политической партии и религиозной организации, по решению суда может быть признано несостоятельным. Признание юридического лица банкротом влечет его ликвидацию (ст. 65 ГК РФ).

Основания признания судом должника несостоятельным (банкротом), порядок его ликвидации устанавливаются Федеральным законом от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

При рассмотрении арбитражного дела о несостоятельности юридического лица применяются следующие процедуры банкротства: наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, мировое соглашение.

Проводимая процедура банкротства для многих должников является той возможностью с помощью, которой они фактически уклоняются от исполнения своих обязательств перед кредиторами. Во многих случаях такие действия можно квалифицировать как преступление, предусмотренное ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство).

По окончании процедуры проверки арбитражным управляющим наличия признаков преднамеренного или фиктивного банкротства составляется заключение. Если в заключении установлен факт причинения крупного ущерба, то оно направляется в органы предварительного расследования. Согласно УК РФ для группы преступлений в сфере банкротства крупным ущербом признается ущерб, превышающий 1 500.000 рублей, особо крупным — 6 млн. рублей (прим. к ст. 169 УК РФ). Нижняя планка в уголовном законе была поднята в 2010 г., что привело к перекалфикации многих правонарушений с уголовных на административные¹.

При рассмотрении настоящей темы необходимо различать понятия фиктивного и преднамеренного банкротства, поскольку ответственность за преднамеренное банкротство более высокая.

Под фиктивным банкротством понимают заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица или индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности. Цель такого банкротства сводится к тому, чтобы уйти от уплаты долга, ввести в заблуждение кредиторов и т. п. (ст. 197 УК РФ).

Под преднамеренным банкротством понимают совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным

¹ Морозова Ю. В. Квалификация преступлений, предусмотренных статьями 195–197 УК РФ. Учебное пособие. – Санкт-петербург. – 2012.

предпринимателем действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей (ст. 196 УК РФ).

На практике это выражается, как правило, в создании новых юридических лиц и передаче в их уставный фонд основных средств предприятия-должника; фиктивной или неравноценной продаже имущества; выходе участников общества из состава учредителей с передачей им доли имущества организации; искусственном создании «ручной» кредиторской задолженности; получении займов или кредитов под необоснованно жесткие условия и т.д.¹

Таким образом, ключевым признаком преднамеренного банкротства выступают по сути действия собственника, руководителя бизнеса или иного аффилированного лица, наносящие ущерб кредитору в виде ненадлежащего исполнения денежных обязательств, в том числе налоговых.

Для определения признаков преднамеренного банкротства проводится соответствующая экспертиза или иная проверка².

Состав преступления предусмотренный ст. 196 УК РФ материальный. Деяние является оконченным в момент причинения крупного ущерба кредиторам.

В соответствии с примечанием к ст. 169 УК РФ под крупным ущербом понимается денежная сумма, превышающая 1 500.000 рублей. Исходя из смысла ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», с содержательной стороны, ущерб, причиненный имущественным правам кредиторов может выражаться в следующем: уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приводящие к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

В отношении «крупного ущерба» как одного из признаков данного преступления есть две позиции. Согласно первой при определении признаков банкротства (в частности, размера задолженности) следует принимать во внимание не только суммы, указанные в ст. 6 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ, но и размер дебиторской задолженности предприятия-должника. Вторая позиция заключается в указании на необходимость

¹ Волков В. Г. Выявление, квалификация и расследование преднамеренного банкротства// Безопасность бизнеса. – 2015 г.

² Постановление Правительства РФ от 27 декабря – 2004. – №. 855 “Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства”.

вообще исключить размер ущерба в виде крупного из объективной стороны преднамеренного банкротства. Если гражданско-правовая ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение (как первичная по отношению к уголовной, если так можно выразиться) наступает уже с 10 или 100 тысяч рублей в зависимости от субъекта, то почему же для привлечения к уголовной ответственности правоприменитель должен дожидаться еще большего разорения кредиторов, чтобы начать наконец заниматься охраной их нарушенных прав? Тем более что при своевременном расследовании преднамеренного банкротства согласно ст. 115 УПК РФ следователь с согласия прокурора может возбудить перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество должника (подозреваемого) и тем самым хоть как-то постараться обеспечить в дальнейшем возмещение причиненного ущерба потерпевшему лицу в результате преднамеренного банкротства. Ответа на этот вопрос практика применения законодательства о банкротстве не дает. Напротив, она говорит о том, что длительность процедур банкротства зачастую может длиться, например, в течение года и только после их окончания точно выясняются последствия банкротства должника для кредиторов. Следовательно, до тех пор, пока не будет определен размер причиненного ущерба, субъект преступления, указанный в ст. 196 УК РФ, имеет безнаказанную возможность укрывать следы своей преступной деятельности¹.

На практике часто встает вопрос, допустимо ли суммировать ущерб, причиненный разным потерпевшим, как одной, так и различных очередей, чтобы в сумме признать его крупным, или ущерб должен являться крупным в отношении каждого потерпевшего. Единого мнения по данному вопросу ни в теории, ни на практике не выработано, однако, можно согласиться со следующим предложением: в расчет должен приниматься причиненный ущерб, который может складываться из нескольких фактов неуплаты нескольким кредиторам при условии, если все эти неуплаты охватываются единым умыслом виновного.

Дискуссионным является вопрос о необходимости решения арбитражного суда о банкротстве как преюдиционного акта для привлечения к уголовной ответственности по ст. 196 УК РФ. Представляется правильной позиция Б. В. Волженкина, считающего, что неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей может быть установлена и помимо такого решения².

¹ Боев О. В. Уголовная ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротство кредитных организаций: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., – 2014.

² Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., – 2014.

Значимым примером из практики является уголовное дело о преднамеренном банкротстве в отношении учредителей и генерального директора ряда организаций, оказывающих услуги водоснабжения и водоотведения на территории городов Красный Сулин, Новошахтинск, Зверево и нескольких районов Ростовской области. Указанные лица в течение нескольких лет использовали одинаковую схему, сбора денежных средств в абонентов, доведение организации до банкротства, создание новых юридических лиц и повторение процедуры банкротства вновь.

Квалифицирующие признаки данного деяния во многом зависят от обнаружения следующего факта — была ли на момент совершения преступных действий начата процедура банкротства, либо именно совершённые преступные действия стали её причиной. В первом случае квалификация определяется по статье 197 УК РФ (фиктивное банкротство), во втором — по статье 196 УК РФ (преднамеренное банкротство).

Однако данный состав преступления имеет ряд следующих особенностей. Например, нередко встает вопрос об ответственности лица, который формально не является субъектом преступления. В практике имеют место ситуации, когда в действиях привлекаемого к ответственности лица, имеются признаки преднамеренного банкротства, однако это лицо формально не подпадает под понятие субъекта данного преступления, так как не является юридическим руководителем, учредителем, либо индивидуальным предпринимателем. Между тем, согласно сложившейся судебной практике в таких случаях виновное лицо подвергается уголовной ответственности в качестве его организатора, подстрекателя или пособника, т. е. с учетом положений частей 3–4, статьи 34 Уголовного кодекса РФ¹.

Так же заслуживающим внимания является вопрос о том, должен ли привлекаться к уголовной ответственности номинальный (формальный) руководитель юридического лица. Судебная практика внесла ясность в этом вопросе, на примере конкретных дел установлено следующее. В случае установления фактической роли в инкриминируемом преступлении иного контролирующего должника лица, который фактически являлся координатором и исполнителем действий, повлекших банкротство должника, действия номинального руководителя признавались не имеющими признаков преступления, поскольку он не был осведомлен о криминальных намерениях фактического руководителя².

¹ Морозова Ю. В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: дисс.... канд. юрид. наук. – М., – 2010. – 245.

² Шабанов А. А. Противодействие криминальным банкротствам // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 23. – С. 9.

Проблемы доказывания

Несмотря на активное привлечение к проблеме реформирования законодательства в области проведения процедур банкротства, до сих пор отсутствует комплексный анализ по делам о преднамеренном и фиктивном банкротстве, что иногда приводит к затруднениям в применении норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления. Судебная практика по рассмотрению уголовных дел по преступлениям в сфере криминального банкротства показывает, что сложность оценки доказательств и квалификации действий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, обусловлена прежде всего бланкетным характером диспозиций соответствующих норм уголовного закона.

Еще одной из проблем доказывания, является проведение длительных и дорогостоящих экспертиз с целью определения размера причиненного ущерба. Сам факт причинения «крупного ущерба» выявляется только после окончания конкурсной процедуры, а это, как правило, занимает от 2-х до 3-х лет после совершенного преступления, когда многие доказательства противоправных действий субъекта криминального банкротства бывают безвозвратно утрачены. В связи с этим процесс квалификации общественно опасного деяния, связанного с преднамеренным банкротством, имеет значительный разрыв во времени с моментом непосредственного совершения самого преступления, что в дальнейшем может пагубно повлиять на ход его расследования¹.

Также для принятия решения о возбуждении уголовного дела и проведения экспертизы необходимы документы предприятия-банкрота, которые зачастую сотруднику правоохранительных органов получить не возможно, ввиду уклонения заинтересованных лиц от их передачи от их передачи².

Заключение

Таким образом, существенным недостатком статьи 196 УК РФ является отсутствие четкого, однозначного определения понятия преднамеренного банкротства. К сожалению, банкротство в современной России пока еще не стало цивилизованным методом рыночного регулирования конкурентной среды, а в большей степени представляет собой нечестный либо полукриминальный, но формально законный инструмент изменения структуры собственников бизнеса.

Что же касается влияния национального экономического кризиса на положение дел в данной сфере, то приходится констатировать, что юридическая и финансовая стороны этого явления, к сожалению, в настоящее время не имеют нормативного регулирования и не служат доказательством и аргументом в суде.

¹ Уголовное право России. Особенная часть. Учебник для бакалавров Ответственный редактор: Ю.В. Грачева – М.: Контракт, ИНФРА-М, – 2014.

² Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 12.08.2016. УМВД РФ по г. Шахты.

Список литературы:

1. Морозова Ю. В., «Квалификация преступлений, предусмотренных статьями 195–197 УК РФ», учебное пособие, – Санкт-Петербург, – 2012.
2. Волков, Выявление В. Г., квалификация и расследование преднамеренного банкротства//Безопасность бизнеса. – 2015.
3. Постановление Правительства РФ от 27 декабря – 2004. – No. 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства».
4. Боев О. В., Уголовная ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротство кредитных организаций: – М., – 2014. – С. 51.
5. Волженкин Б. В., Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., – 2014. – С. 87.
6. Морозова Ю. В., Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства: – М., – 2010. – С. 245.
7. Шабанов А. А., Противодействие криминальным банкротствам//ЭЖ-Юрист. – 2016. – No. 23. – С. 9.
8. Грачева Ю. В., Уголовное право России: ИНФРА-М, – 2014. – С. 184.
9. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 12.08.2016. УМВД РФ по г. Шахты.

Section 9. Criminal trial

*Skshidleuska Elzhibeta Vitoldovna,
Belarusian State University,
student, the Faculty of Law
E-mail: elzhibeta.7@mail.ru*

Mediation as an innovation in the criminal process

*Скишдлевска Эльжбета Витольдовна,
Белорусский государственный университет,
студент, юридический факультет
E-mail: elzhibeta.7@mail.ru*

Медиация как новация в уголовном процессе

На современном этапе развития общества в случае необоснованных и не взвешенных решений властей государство все чаще наталкивается на осуждение со стороны граждан, что и порождает новую форму диалога. Медиация — это новый метод нахождения консенсуса, который, создает комфортные условия для жизни людей в обществе. Данная процедура достаточно хорошо развита в тех странах, где преобладает высокий уровень культуры людей, способных исходить не только из своих собственных интересов, но также из интересов другой стороны. Медиация в свою очередь является своеобразным способом формирования культурной среды, а также способствует утверждению нового мышления и нового правосознания белорусского общества.

Закрепление примирительных форм разрешения уголовных дел на всех стадиях судопроизводства происходило благодаря реформам национального законодательства зарубежных стран, что в последующем стало основой для создания института восстановительного правосудия. В научное и практическое использование термин «восстановительное правосудие», частью которого является медиация, был введен для обозначения комплекса социальной, педагогической и психологической работы.

Появление медиации является показателем совершенствования уголовного процесса. Данная процедура была создана исходя из потребностей практики, компенсации за материальный ущерб и моральный вред и нового взгляда на философию ответственности.

В широком смысле медиация — это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия спорящих сторон в целях достижения ими решения, которое устроит обе стороны.

Существует несколько взглядов на происхождение медиации. В одном из них говорилось, что право Древнего мира знало, как различные формы примирения, так и состязательность судопроизводства в континентальной Европе. Так, в Древней Руси более 1000 лет назад состязательность возникла как правовой обычай. В настоящее время правовые эксперименты по закреплению медиации были успешно проведены в Голландии, Словении, Германии, Китае и некоторых других странах¹. Другое же мнение утверждает, что институт разрешения споров с участием посредника, известный во всем мире как медиация, появился более пятидесяти лет назад в США².

Следует обратить внимание на то, что еще в Древнем Китае Конфуций говорил о необходимости использования медиации, вместо того чтобы разрешать дело в суде. Он предупреждал, что состязательное участие в судебном процессе, скорее всего, усилит озлобленность участников конфликта и воспрепятствует их эффективному взаимодействию³.

В развитых странах медиация используется как в рамках пробационной деятельности, так и, например, в программах психологической, педагогической и социальной работы с несовершеннолетними, а также применяется во время переговоров при захвате заложников.

На данный момент использование процедуры медиации прошло проверку практикой и показало положительные результаты. Однако, есть и противники данной процедуры, которые высказывают свое мнение основываясь на императивности норм процессуального права, публичном характере уголовного процесса. Следует сказать, что им противостоит сложившаяся на протяжении долгого

¹ Гуськова, А.П. Медиация в уголовном процессе/А.П. Гуськова//Общественная организация «Взаимодействие» [Электронный ресурс]. – Минск, – 2017. – Режим доступа: <http://ngointeraction.org/main/statii/1-latest-news/3275-mediation-in-criminal>. - Дата доступа: 04.03.2017.

² Большова А. К. О примирительной процедуре с участием посредника//Журнал российского права. – 2008. – № 5.

³ Елисева А. А. Институт медиации в условиях инновационного развития российского общества/А. А. Елисева//Юриспруденция [Электронный ресурс]. – Минск, – 2017. – Режим доступа: URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=1&art=2833>. – Дата доступа: 02.03.2017.

времени практика применения медиации в уголовном процессе, подтверждающая её эффективность.

Возможность введения медиации и её закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве была предусмотрена со стороны законодателя в различных странах. В некоторых случаях данная процедура вводилась в качестве эксперимента на ограниченной территории. В других же медиация распространялась на определенный круг дел, а далее предполагалось расширить сферу применения.

Использование процедуры медиации в уголовном процессе имеет ряд преимуществ, таких как:

- обе стороны медиации внимательно выслушаны;
- потерпевший может успокоить свои эмоции, связанные с совершением преступления и более спокойно рассмотреть сложившуюся ситуацию;
- потерпевший имеет возможность получить ответ на часто задаваемые вопросы: «почему именно я», «почему это случилось со мной», что позволяет избавиться от ненависти и страха перед преступником;
- потерпевший имеет шанс на более быстрое возмещение ущерба или компенсацию морального вреда, нежели через суд;
- участники сохраняют полный контроль над процессом медиации и содержанием соглашения, в случае не достижения консенсуса всегда есть возможность вернуться к суду посредством добровольного отказа от медиации;
- обвиняемый (подозреваемый) участвует в рассмотрении своего дела и имеет влияние на определение условий медиативного соглашения;
- обвиняемый (подозреваемый) берет на себя ответственность за свои действия и решения;
- обвиняемый (подозреваемый) имеет возможность избежать стигматизации и осуждения со стороны общества;
- обвиняемый (подозреваемый) имеет шанс выразить свои извинения другой стороне;
- обвиняемый (подозреваемый) и потерпевший имеют возможность на более быстрое завершение уголовного процесса и возвращение к нормальной жизни;
- для общества — это восстановление нарушенного преступлением общественного порядка; активное и конструктивное разрешение уголовно-правового конфликта;
- для суда — сокращение времени рассмотрения дела, уменьшение стоимости уголовного процесса.

Таким образом, происходит не заострение уголовно-правового конфликта, а социальное восстановление потерпевшего и (или) обвиняемого (подозреваемого), что в полной мере соответствует основным тенденциям современной международной уголовно-правовой политики.

Посредством медиации необходимо усовершенствовать существующую систему разрешения конфликтов с целью того, чтобы до судов доходили лишь те дела, которые возможно разрешить только в судебном порядке.

В литературе приводятся результаты эмпирических исследований, поддерживающих так и выражающих сомнения относительно дальнейшей реализации идеи медиации. Так, Е. Круковска, Г. Станкевич-Химяк, Р. Кашчышын и П. Ярос при участии в конференции организованной Бюро Обучения и Экспертиз Канцелярии Сейма в 2003 году обосновали положительные и отрицательные черты медиации в уголовном процессе Республики Польша — как эффективное средство правовой справедливости¹. С одной стороны, данная процедура может послужить ответом на проблему преступности, насилия в обществе, в сочетании со снижением ценностей, недоверием и безразличием к судебной системе, а с другой стороны может стать очередной лазейкой для реализации коррупционных преступлений. В связи с этим необходимо достичь доверия к новой процедуре разрешения уголовно-правовых конфликтов, распространить информацию о ней, особенно о её преимуществах. Данная процедура представляет собой новый взгляд на философию наказания, принимая во внимание исправительное правосудие.

¹ Szymanczak J. Materiały z seminarium dla posłów Sejmu IV kadencji, 28 kwietnia – 2003 r./J. Szymanczak//[Electronic resource]/Biuro Studiów i Ekspertyz Kancelarii Sejmu. – Minsk, – 2017. – Mode of access: URL: <http://ms.gov.pl/pl/dzialalnosc/mediacje/publikacje-akty-prawne-statystyki/>. – Data of access: 03.03.2017.

Section 10. Finance law

*Marushak Anna Valerievna,
Chernivtsi Institute of Law National University
“Odessa Law Academy”, Ukraine, candidate of juridical sciences,
associate professor at the department of constitutional,
administrative and financial law
E-mail: marushak. a.v@gmail.com*

The legal nature of banking services

*Марущак Анна Валеріївна,
Чернівецький юридичний інститут
Національного університету «Одеська юридична академія»
к. ю.н., доцент кафедри конституційного,
адміністративного та фінансового права
E-mail: marushak. a.v@gmail.com*

Правова природа банківських послуг

Законодавство України не надає, на жаль, легального визначення поняття «банківська послуга», але при цьому, цей термін досить часто і вільно вживається у текстах законів. Це сприяє виникненню суперечок та непорозумінь як на правовому полі, так і серед науковців представників вітчизняної доктрини.

Правова природа та зміст фінансових та банківських послуг стали предметом досліджень таких вчених як: Г. А. Тосунян, А. Ю. Вікулін, Ж. Матук, А. Г. Братко, О. Р. Ящищак, І. В. Солошкіна та ін.

Для більш ґрунтовного дослідження поняття банківських послуг вважаємо за прийнятне з початку дослідити поняття фінансових послуг, оскільки правова природа банківських послуг свідчить про їх тісний зв'язок з фінансовими послугами.

Визначення фінансових послуг надає нам Закон України «Про фінансові послуги та державне регулювання ринків фінансових послуг» від 12.07.2001 року. Так, фінансова послуга — операції з фінансовими активами, що здійснюються

в інтересах третіх осіб за власний рахунок чи за рахунок цих осіб, а у випадках, передбачених законодавством, — і за рахунок залучених від інших осіб фінансових активів, з метою отримання прибутку або збереження реальної вартості фінансових активів¹.

Легальне визначення фінансових послуг цілком підтримується і вітчизняними науковцями. Щоправда, у науковій літературі зустрічаємо дещо розширене за своїм змістом трактування. Наприклад, І. В. Солошкіна зазначає, що фінансова послуга — це господарська операція із грошовими коштами, цінними паперами та борговими зобов'язаннями, що здійснюється за плату фінансовими установами в інтересах замовників послуг — споживачів та можливих третіх осіб за власний рахунок фінансових установ, або за рахунок споживачів чи третіх осіб, або за рахунок грошових коштів, залучених від інших осіб з метою збереження їх реальної вартості, а у випадках передбачених договором, отримання прибутку споживачем².

Як сукупність фінансових та супутніх операцій, що здійснюються фінансовими посередниками в інтересах третіх осіб на підставі договору з метою отримання прибутку або збереження реальної вартості фінансових активів³, пропонує розглядати фінансові послуги О. Р. Ящищак.

Грунтуючись на визначеннях фінансових послуг, що встановлені законодавцем та науковцями, ми можемо зробити висновок, що центральним елементом фінансової послуги є здійснення фінансових операцій. Їх реалізація, безумовно, пов'язана із банківськими послугами. Саме тому, висновок щодо пов'язаності банківської послуги до такої більш широкої категорії, як «фінансова послуга» не має викликати жодних сумнівів.

З наведеного вище видно, що банківські послуги тісно взаємодіють з фінансовими (банківськими) операціями. Багато хто з науковців ототожнюють ці два поняття та схиляються до висновку щодо їх синонімічності. На нашу думку, така позиція є невірною. Погоджуємось із вченими А. Ю. Вікуліним та Г. А. Тосуняном щодо необхідності розрізняти поняття «банківські операції» та «банківські послуги». Вчений вказує, що на відміну від банківської операції, яка представляється сукупністю взаємопов'язаних дій банку щодо вирішення єдиної економічної задачі, направленої на досягнення конкретного економічного результату, банківська послуга здійснює визначені супутні функції, та саме цим робить

¹ Закон про фінансові послуги та державне регулювання ринків фінансових послуг – 2001 (Верховна Рада України). Відомості Верховної Ради України, 1.

² Солошкіна, І. Фінансові послуги як правова категорія: поняття, суттєві сторони та інші ознаки. Форум права, – 2013. – 4, 388–394.

³ Ящищак О. Зміст поняття фінансових послуг у законодавстві України. Правова держава, – 2007. – 18, – 570.

банківські операції більш зручними для клієнта, створює передумови для досягнення бажаного результату з найменшими затратами та найбільшою вигодою¹.

Французький вчений Ж. Матук розглядає банківську послугу як задоволення фінансового попиту клієнтів з урахуванням фінансових можливостей банку². Інший зарубіжний науковець спеціаліст у сфері банківського права Г. А. Тосунян під банківськими послугами розуміє усі види операцій та угод, які здійснюються банками³.

Повертаючись до взаємозалежності банківських послуг та банківських операцій, варто зазначити, що на нашу думку банківські операції мають дещо вужчий зміст, і кожна банківська операція направлена на вирішення певної конкретної «вузкої» задачі. Натомість, банківська послуга є ширшою за своєю суттю, і направлена на виконання більш «глобальної» задачі, і для її виконання використовуються банківські операції. Банківська послуга завжди здійснюється за допомогою операцій банку. Вона може здійснюватись за допомогою однієї, або кількох банківських операцій. Для ясності наведемо приклад. Закон чітко встановив, що банк може розміщувати залучені у вклади (депозити), у тому числі на поточні рахунки, кошти та банківські метали від свого імені, на власних умовах та на власний ризик. Це одна із банківських послуг, перерахованих у вищевказаній ст. 47 Закону України «Про банки та банківську діяльність». Для виконання такої банківської послуги ст. 49 Закону надає нам перелік кредитних операцій, до яких, окрім вищевказаної включає також такі, як: надання гарантій і поручительств та інших зобов'язань від третіх осіб, які передбачають їх виконання у грошовій формі; здійснення операцій на ринку цінних паперів від свого імені; лізинг; придбання права вимоги на виконання зобов'язань у грошовій формі за поставлені товари чи надані послуги, приймаючи на себе ризик виконання таких вимог та прийом платежів (факторинг)⁴.

Враховуючи вищевикладене, вважаємо, що банківську послугу можна розглядати як вид фінансової послуги, що залежить від тої чи іншої функції банківської діяльності, та здійснюється виключно банками за допомогою банківських операцій, які спрямовані на задоволення потреб споживачів.

¹ Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Єкмалян А.М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Москва: Издательство Юристъ, – 2003. – 448.

² Матук Ж. Финансовые системы Франции и других стран. – Москва: АО Финстатинформ, – 1994. – 11.

³ Тосунян Г. Банковское право Российской Федерации. Особенная часть. – Москва: Юристъ, – 2002. – 394.

⁴ Закон про банки та банківську діяльність – 2000 (Верховна Рада України). Відомості Верховної Ради України, – 5–6.

References:

1. Закон про банки та банківську діяльність – 2000 (Верховна Рада України). Відомості Верховної Ради України, – 5–6.
2. Закон про фінансові послуги та державне регулювання ринків фінансових послуг – 2001 (Верховна Рада України). Відомості Верховної Ради України, 1.
3. Матук Ж. Финансовые системы Франции и других стран. Москва: АО Фин-статинформ, – 1994. – 11.
4. Солошкіна І. Фінансові послуги як правова категорія: поняття, суттєві сторони та інші ознаки. Форум права, – 2013. – 4, 388–394.
5. Тосунян Г. А., Викулин А. Ю., Єкмалян А. М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. – Москва: Издательство Юристъ, – 2003. – 448.
6. Тосунян Г. Банковское право Российской Федерации. Особенная часть. – Москва: Юристъ, – 2002. – 394.
7. Ящищак О. Зміст поняття фінансових послуг у законодавстві України. Правова держава, – 2007. – 18, 570.

Contents

Political Sciences	4
Section 1. Political-conflictology	4
<i>Marukhovska-Kartunova Olga Alexandrovna</i>	
The contribution of Austrian thinker Friedrich Gents in origin of science in peace	4
Section 2. Political regionalism. Ethnic policies	10
<i>Karyapkina Julia Dmitrievna</i>	
The impact of national ideology on the socio-political situation in modern Russia	10
Section 3. Political problems of the international relations, global and regional development.	15
<i>Nechayeva Yelena, Smakova Zhanar</i>	
Perspectives associated with implementation of fee-based water consumption in Central Asia as a solution mechanism for water problems in the region	15
Section 4. Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science.	20
<i>Dyachenko Yyliya Vladimirovna</i>	
Constitutionalism as a way of reflecting changes in the theory of forms of government in contemporary political practice	20
Law Sciences.	28
Section 1. Civil law	28
<i>Matsakyan Goar Surenovna</i>	
The main features of the usufruct under Austrian law	28
Section 2. History of studies of law and state	33
<i>Akmatova Amanay Tursunbaevna</i>	
State legal measures on realization the cultural revolution in the period of becoming Kirghiz autonomous oblast.	33
Section 3. International law	40
<i>Al-Maliki Hadi Naiem Khalaf, Al-Tameemi Saad Mohsin Desher</i>	
The reform of the UN Security Council in the context of globalization.	40
<i>Oinarova Assem Askarovna</i>	
Structure of the integration unions: Supreme Council of EAEU and European Council of the European Union	44

Section 4. Organization of law-enforcement activities	51
<i>Ivantsov Volodymyr Oleksandrovych, Chyshko Kateryna Oleksandrovna</i>	
Problems of surface inspection as a police measures	51
Section 5 Business law	56
<i>Naumenko Anastasia Sergeevna, Dzhelaukhova Ekaterina Gennadiyvna, Adamchuk Ekaterina Evgenyevna</i>	
Transport business and transport security: a balance of interests is possible?.....	56
Section 6. Family law	61
<i>Prudnikova Larisa Borisovna, Moiseeva Elena Nikolaevna</i>	
Administrative (special) order of protection of family rights	61
Section 7. History of studies of law and state	68
<i>Balykina-Halanets Liudmyla Igorivna</i>	
Development of Ukrainian Parliamentarism or How Euromaidan Affected Democracy in Ukraine.....	68
<i>Mazurenko Andrey Petrovich, Kolesnik Sergey Aleksandrovich</i>	
Lawmaking policy in legal education	71
Section 8. Criminal law and criminology	78
<i>Vodneva Maria Alexandrovna</i>	
Criminal liability for terrorist act and act of international terrorism.....	78
<i>Gerasimova Elena Viktorovna</i>	
Criminal liability for deliberate bankruptcy.....	82
Section 9. Criminal trial	89
<i>Skshidleuska Elzhibeta Vitoldovna</i>	
Mediation as an innovation in the criminal process.....	89
Section 10. Finance law	93
<i>Marushak Anna Valerievna</i>	
The legal nature of banking services	93